С. Мельгуновъ.

У
М43

СТУДЕНЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ

80—90 гг.

ВЪ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

(ПО АРХИВНЫМЪ ДАННЫМЪ).

[illegible]

Цѣна 50 коп.

Изданіе „Свободной Россіи“.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1908.

Того же автора:

Гдѣ выходъ? Крушеніе надеждъ и междоусобная война. Ц. 15 к.

Церковь и государство въ Россіи. (Къ вопросу о свободѣ совѣсти). Сборникъ статей. Ц. 50 к.

Старообрядчество и освободительное движеніе. Цѣна 6 к.

Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ. Ц. 50 к.

Общедоступныя.

Великій подвижникъ протопопъ Аввакумъ. Ц. 5 к.

Старообрядцы и свобода совѣсти. Ц. 20 к.

Свобода вѣры въ Россіи. Ц. 3 к.

Арабы и Магометъ. Ц. 10 к.

пр п
947
М.48
У
М48
Закрытый фонд
Библиотеки Политехнической

С. Мельгуновъ.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ

80—90 гг.

въ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

(по архивнымъ даннымъ.)

Всесоюзное О-во Политкаторжан и Ссыльнопоселенцев
БИБЛИОТЕКА

Цѣна 50 коп.

Изданіе „Свободной Россіи“.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1908.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
488098
М
9/44/6
18

Студенческія организаціи 80—90 гг. въ Московскомъ университетѣ.

(По архивнымъ даннымъ).

Красной нитью въ исторіи русскихъ университетовъ проходитъ борьба за автономію. И если профессорская корпорація получала временами возможность дѣйствовать до нѣкоторой степени самостоятельно, студенчество всегда оставалось на положеніи пасынковъ. Однако никакія запрещенія не могли вытравить изъ среды учащейся молодежи естественное стремленіе къ объединенію и организаціи. И мы видимъ, какъ несмотря на строжайшія запрещенія во всѣхъ университетахъ возникаютъ нелегальные студенческіе союзы и другія корпоративныя учрежденія, въ которыхъ вырабатываются опредѣленныя традиціи, передаваемыя отъ одного университетскаго поколѣнія къ другому. Эти традиціи поддерживаютъ въ студенчествѣ корпоративный духъ.

Студенческія организаціи играли первенствующую роль въ университетской жизни. Исторія ихъ поэтому заслуживаетъ глубокаго вниманія, но, къ сожалѣнію, онѣ до сихъ поръ еще не нашли своего лѣтописца. За исключеніемъ отдѣльныхъ разрозненныхъ журнальныхъ статей, къ тому же весьма малочисленныхъ, въ нашей литературѣ нѣтъ почти ничего относящагося къ исторіи студенческихъ организацій. Задача настоящаго очерка дать на основаніи рукописнаго матеріала, почерпнутаго

отчасти въ архивѣ Московскаго университета, небольшую характеристику дѣятельности союзнаго совѣта землячествъ въ періодъ 80—90 гг. въ Московскомъ университетѣ. Не предполагая давать исчерпывающей характеристики, для которой у насъ нѣтъ и достаточныхъ данныхъ, мы намѣрены лишь познакомить читателей съ нѣкоторыми документами, которые говорятъ о возникновеніи и развитіи студенческихъ организацій. Думается, что при бѣдности литературы по данному вопросу и такой очеркъ не будетъ безполезнымъ*).

I.

Проникнутый бюрократическимъ духомъ университетскій уставъ 1884 г., какъ извѣстно, разрѣшилъ въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ объ устройствѣ студенческаго быта на корпоративныхъ началахъ. За студентами, признанными „отдѣльными посѣтителями“ университета, былъ установленъ строжайшій надзоръ. Уставомъ было воспрещено устройство въ университетскихъ зданіяхъ какихъ-либо читаленъ, библіотекъ, собраній, чтеній и пр.

§ 16 университетскихъ правилъ особо воспрещалъ участіе въ тайныхъ обществахъ и кружкахъ, „хотя бы и не имѣющихъ преступной цѣли“. Однако студенческая жизнь не могла уложиться въ предназначенныя ей уставомъ рамки — потребность въ корпоративной организаціи въ студенческой средѣ была слишкомъ насущна и сильна, чтобы ее можно было бы уничтожить однимъ росчеркомъ бюрократическаго пера. 1884 годъ, годъ введенія новаго университетскаго устава, въ то же время явился и годомъ, когда заложена была ячейка той организаціи, которой предстояло въ послѣдующее время

---

*) Настоящая статья въ значительно сокращенномъ видѣ была напечатана въ № 6 журнала *Вѣстникъ Воспитанія* (за 1907 г.).

играть видную роль въ университетской жизни — союза землячествъ.

Какъ разъ къ этому времени относится объединеніе 9 землячествъ въ цѣляхъ матеріальной взаимопомощи.

11 марта 1884 г. состоялось первое собраніе представителей землячествъ для выработки проекта устава союза. На этомъ собраніи присутствовали представители смоленскаго, рязанскаго, ставропольскаго, саратовскаго, донского, тульскаго, владимирскаго, симбирскаго и орловскаго землячествъ. Имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи протоколы засѣданій даютъ возможность выяснить цѣль проектируемаго союза. Выясненію этой цѣли посвящено было 17 собраній. По предложенію большинства присутствовавшихъ дѣятельность союза землячествъ должна была сосредоточиваться исключительно на оказаніи матеріальной поддержки своимъ членамъ. Одно лишь рязанское землячество требовало, чтобы „союзъ поставилъ себѣ опредѣленную цѣль — способствовать объединенію и обмѣну мнѣній среди отдѣльныхъ землячествъ, такъ какъ изолированное положеніе порождаетъ среди нихъ застой". Защитниками идеи объединенія студенчества не на почвѣ однѣхъ лишь матеріальныхъ нуждъ была предложена сложная схема организаціи союза, основанной на строгомъ раздѣленіи исполнительной и законодательной власти по тремъ инстанціямъ: 1) союзнаго совѣта, 2) представительнаго собранія и 3) землячествъ. Практическаго осуществленія этотъ проектъ не получилъ.

Въ преніяхъ, возникшихъ по поводу предложенія рязанскаго землячества, большинство высказалось за необходимость сосредоточиться на финансовой дѣятельности союза, полагая, что „денежныя ссуды студентамъ уже сами по себѣ есть нравственная задача". Поэтому уже первое собраніе опредѣлило цѣль союза — „лучшее удовлетвореніе какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ потребностей членовъ *кассъ*, входящихъ въ союзъ".

Остановившись на такой общей формулировкѣ и не выясняя болѣе точно содержаніе понятія „нравственныхъ потребностей“, члены собранія подчеркнули, что нравственныя задачи союза должны ограничиваться только тѣми вопросами, которые „соприкасаются съ матеріальной стороной дѣла“. Однако этимъ объясненіемъ далеко не удовлетворились всѣ землячества, и на 17-мъ собраніи 2 марта 1885 г. депутаты отъ смоленскаго и симбирскаго землячествъ — гласитъ протоколъ — заявили, „что ихъ земляки недостаточно ясно представляютъ, что̀ слѣдуетъ понимать подъ нравственными потребностями землячествъ, удовлетворять которыя ставитъ себѣ цѣлью союзъ. Изъ своихъ наблюденій, а также изъ разговоровъ со своими земляками вышеназванные депутаты пришли къ заключенію, что землячества страшатся слова „нравственность“, такъ какъ недостаточно ясно его понимаютъ: они, напримѣръ, опасаются, что союзный совѣтъ, забравши въ свои руки власть, воспользуется этимъ словомъ, чтобы толкнуть дѣятельность союза на *революціонный* путь. Въ этомъ словѣ нѣкоторые изъ членовъ землячествъ видятъ желаніе союзнаго совѣта принять на себя воспитательную роль по отношенію къ членамъ союза“...

Мотивы процитированнаго заявленія двухъ землячествъ опредѣленно говорятъ намъ о причинѣ нежеланія выдвигать на первый планъ участіе союза въ обще-студенческихъ дѣлахъ. Это — боязнь, что въ дѣятельность союза замѣшается политика. Въ противовѣсъ проекту рязанцевъ былъ выдвинутъ довольно оригинальный проектъ духовнаго объединенія студенчества путемъ организаціи земляческихъ библіотекъ: проектировалось всѣ книги раздѣлить на отдѣлы по спеціальностямъ и каждый отдѣлъ отдать въ распоряженіе особаго землячества; при такихъ условіяхъ одно землячество неизбѣжно будетъ зависѣть отъ другого, что и поведетъ къ объединенію. Впрочемъ, и этотъ проектъ не вышелъ изъ области благихъ начинаній.

Сосредоточившись на разработкѣ финансовой стороны дѣятельности союза, учредительныя собранія не поднимали уже болѣе вопроса о необходимости объединенія на почвѣ обще-студенческихъ дѣлъ, выходящихъ за предѣлы матеріальной помощи. Союзъ землячествъ — говоритъ авторъ одного рукописнаго воспоминанія о дѣятельности союза въ періодъ 1884—86 гг. — превратился всецѣло въ общество взаимнаго кредита. Союзъ состоялъ изъ землячествъ, сохранявшихъ полную внутреннюю автономію. Каждое землячество пользовалось правомъ черезъ посредство союзнаго совѣта вносить предложеніе на обсужденіе всѣхъ землячествъ. Главное вниманіе организаціонныхъ собраній представителей землячествъ были обращены на вопросы о способахъ составленія капитала, выдачи ссудъ и организаціи союзной администраціи. На разработку этихъ вопросовъ ушла почти вся годичная дѣятельность (21 собраніе) союза. Былъ установленъ прогрессивно-подоходный налогъ на землячества. За единицу обложенія земляческаго капитала принято было частное отъ дѣленія капитала на число членовъ, а для новыхъ доходовъ — частное отъ дѣленія суммы новыхъ поступленій за мѣсяцъ на число членовъ. Процентъ взиманія былъ установленъ въ 0,1%, а для ежемѣсячнаго обложенія — въ 0,5%. Порядокъ выдачи и отсрочки ссудъ былъ строго регламентированъ § 21 устава: „ссуды до 25 руб. выдаются землячествамъ (какъ общее правило была установлена выдача ссудъ землячествамъ, а не отдѣльнымъ членамъ) финансовой комиссіей срокомъ до 1 мѣсяца, ссуда до 100 руб. на одинъ годъ; отъ 100 до 200 руб. на полгода выдаются союзнымъ совѣтомъ. Всѣ ссуды срокомъ болѣе чѣмъ на 1 годъ, ссуда болѣе 100 руб. срокомъ болѣе чѣмъ на ½ года и всѣ ссуды свыше 200 руб., на какой бы срокъ ни выдавались, разрѣшаются землячествами...“

Оживленныя пренія возбудилъ вопросъ объ организаціи союза. „Здѣсь, — говоритъ авторъ цитируемыхъ воспоми-

наній, — мы наталкиваемся на желаніе цѣликомъ примѣнить къ студенческой организаціи принципы самой либеральной конституціи". Законодательная власть, принадлежащая землячествамъ, строго отдѣлена отъ исполнительной, находящейся въ рукахъ союзнаго совѣта. Административныя функціи принадлежатъ двумъ органамъ: союзному совѣту, постановляющему рѣшенія, и спеціальнымъ комиссіямъ, выполняющимъ ихъ. Чрезъ всю организацію проходитъ самый строгій контроль. Особенно усиленный контроль рекомендуется за предсѣдателемъ и кассиромъ, такъ какъ „эти лица, имѣя помимо своего нравственнаго значенія извѣстную власть, могутъ злоупотреблять ею и въ концѣ концовъ захватить въ свои руки все управленіе союзными дѣлами". Передъ началомъ каждаго учебнаго года составляется смѣта, утверждаемая во всемъ ея цѣломъ землячествами. Нѣкоторые изъ членовъ организаціонныхъ собраній предлагали учредить еще особое представительное собраніе, долженствующее служить соединительнымъ звеномъ между союзнымъ совѣтомъ и землячествами и занимающееся предварительной обработкой законопроектовъ, а затѣмъ по утвержденіи ихъ окончательнымъ редактированіемъ... Но это предложеніе не было принято.

Авторъ цитируемыхъ воспоминаній весьма критически относится къ работамъ первыхъ дѣятелей по объединенію московскаго студенчества. Онъ постоянно иронизируетъ надъ ихъ желаніемъ при всякомъ удобномъ случаѣ примѣнить на практикѣ свои познанія въ политической экономіи и финансовомъ правѣ. И съ авторомъ до извѣстной степени нельзя не согласиться. По даннымъ, имѣющимся въ протоколахъ, видно, что взносъ отъ землячествъ въ общую кассу долженъ былъ составить около 300 руб. „И для завѣдыванія такой ничтожной суммой, — говоритъ авторъ, — въ теченіе цѣлаго года придумывалось и раздѣленіе властей, и прогрессивно-подоходный налогъ, и финансово-экономическія формулы, и строжайшій контроль

съ многочисленными комиссіями, и всякія другія ухищренія. Но нельзя быть слишкомъ строгимъ къ первымъ піонерамъ — любовь къ разработкѣ уставовъ, къ сожалѣнію, есть принадлежность всѣхъ нашихъ обществъ. Организаціонные разговоры безплодно отнимаютъ безконечное время. Авторы проекта рисовали себѣ широкія перспективы: союзъ стремился при помощи безвозвратныхъ ссудъ— поднять уровень содержанія всѣхъ студентовъ до средней нормы, опредѣленной въ 20 руб. въ мѣсяцъ.

Выработанной ими „хитросплетенной“ системѣ не суждено было однако найти себѣ осуществленія. 16 марта 1885 г. закончилось обсужденіе проекта устава. 30-го марта должна была открыться дѣятельность союза на основаніи проекта устава. Но организація явилась въ первые годы мертворожденной. Союзный совѣтъ или центральная касса, какъ онъ назывался въ первое время, долженъ былъ получать санкціи для каждой мелочи отъ землячествъ, Этимъ самымъ дѣло сильно тормозилось. Землячества оказались въ высшей степени бездѣятельными. Въ теченіе всего 1885 г. они не могли даже разсмотрѣть проекта устава; два раза за это время собралось центральное учрежденіе (5 декабря 1885 г. и 10 марта 1886 г.), обратившееся съ воззваніемъ къ землячествамъ съ цѣлью побудить разсмотрѣть проектъ устава и сдѣлать взносы.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ для характеристики дальнѣйшей дѣятельности союза. Одно лишь можно сказать—она была мизерна. Между прочимъ, была сдѣлана попытка устроить бюро для пріисканія работы членамъ союза и библіотеку. Авторъ очерка дѣятельности союза такъ ее характеризуетъ: „Какой-то мистическій ужасъ передъ всякаго рода моральными вопросами, узкая сфера денежныхъ интересовъ, самое страшное недовѣріе другъ къ другу, дѣлающее представителей студенчества болѣе похожими на членовъ подозрительнаго акціонернаго предпріятія... мелочной канцелярскій формализмъ, какая-то страсть вносить мертвый схоластическій элементъ въ жи-

вое дѣло объединенія учащейся молодежи, — вотъ, черты, характеризующія дѣятельность первыхъ піонеровъ въ созданіи нашей организаціи. Непріятное, отталкивающее впечатлѣніе производитъ чтеніе протоколовъ. Непривлекательную картину нарисуетъ историкъ движенія русскаго общества, если только этимъ протоколамъ суждено когда-либо сдѣлаться предметомъ научнаго изслѣдованія. Единственная заслуга, которой никто не можетъ отнять у первыхъ дѣятелей объединенія, заключается въ томъ, что они положили начало той организаціи, которая все болѣе и болѣе крѣпнетъ среди московскаго студенчества. Ошибками же своими они указываютъ тотъ путь, по которому слѣдуетъ итти намъ"...

Изъ приведенныхъ отрывковъ, характеризующихъ первый студенческій союзъ, мы видимъ, что онъ своею цѣлью ставилъ исключительно матеріальную взаимопомощь. Однако, какъ и слѣдовало ожидать, объединившись на почвѣ матеріальныхъ заботъ, землячества не могли долго оставаться такими односторонними. Жизнь выставляла другія требованія. Волненія въ 1887 г., 1889—90 гг. поневолѣ вовлекали организаціи въ общестуденческія дѣла.

Волненія 1887 г., охватившія еще съ небывалой силой почти всѣ университеты и ознаменовавшіяся въ Москвѣ знаменитой брызгаловской исторіей; волненія, продолжавшіяся больше мѣсяца и сопровождавшіяся сходками, петиціями, вмѣшательствомъ полиціи, арестами и высылками— значительно приподняли настроеніе студенчества. Волненія возникали на чисто академической почвѣ. Для огромнаго большинства становилась ясной необходимость тѣснаго сплоченія для достиженія академической свободы. И эта свобода дѣлается лозунгомъ борьбы студенчества съ университетскомъ уставомъ 1884 г. Петербургскіе студенты въ петиціи 14 марта 1887 г. такъ формулируютъ свои требованія по отношенію къ реформѣ университетскихъ порядковъ: „Мы желаемъ, чтобы уставъ универ-

ситетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній *былъ основанъ на началахъ автономіи,* чтобы ректоръ, согласно университетскому уставу 1863 г., былъ избираемъ совѣтомъ, чтобы были учреждены *университетскіе и студенческіе суды,* а также признаны студенческія корпораціи. Мы желаемъ, чтобы всѣ, окончившіе среднія учебныя заведенія безъ различія вѣроисповѣданія, общественнаго положенія и безъ всякихъ тайныхъ характеристикъ со стороны гимназическаго начальства и полиціи, имѣли свободный доступъ въ университетъ. Наконецъ, мы увѣрены, что на ряду съ этимъ нашимъ профессорамъ можетъ быть дана *свобода преподаванія,* прежде существовавшая по уставу 1863 г. Наше глубокое убѣжденіе, что всѣ эти послѣдовательно проведенныя измѣненія въ смыслѣ нашихъ желаній будутъ содѣйствовать развитію студенческой жизни и только они могутъ обусловить нормальное теченіе ея. Мы настаиваемъ теперь же на уничтоженіи полицейской функціи инспекціи, пониженіи платы и пр. *Впервые* пользуясь возможностью изложить свои желанія, не выходя изъ границъ законности, мы твердо вѣримъ въ то, что подобный способъ выраженія своихъ нуждъ войдетъ въ обиходъ студенческой жизни". Столь опредѣленно выставленныя петербургскими студентами требованія реформы академической жизни нашли горячую поддержку и въ другихъ университетахъ.

Въ 1889 г. снова начались волненія охватившія почти всѣ высшія учебныя заведенія, въ томъ числѣ и Московскій университетъ. Волненія продолжались болѣе двухъ лѣтъ. У насъ нѣтъ данныхъ для характеристики участія въ этихъ волненіяхъ студенческихъ организацій. По всей видимости именно эти волненія послужили стимуломъ къ большему сплоченію студенчества. На это есть и прямое указаніе въ дѣлахъ союзнаго совѣта. Наибольшимъ толчкомъ къ развитію организаціи послужили волненія 1890 г., когда студенчество сознало „невозможность при помощи плохо организованныхъ сходокъ достичь чего

либо въ смыслѣ улучшенія своего положенія. Къ началу 90-хъ годовъ относится созданіе крѣпкой сплоченной организаціи, выдвинувшей на первый планъ своей дѣятельности руководство общестуденческими дѣлами съ одной стороны, и, съ другой, поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня студентовъ". Въ 1892 г. число землячествъ, вошедшихъ въ союзъ, возросло до 20, къ концу 1893 г. достигло 36, въ 1894 г. числилось уже 43, число членовъ союза доходило до 1700.

Наши данныя характеризуютъ дѣятельность землячествъ и союзнаго совѣта, главнымъ образомъ, въ 90-хъ годахъ, т.-е. въ періодъ ихъ расцвѣта. Въ это время студенческія организаціи ставили себѣ исключительно академическія цѣли. Но прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ этой дѣятельности, познакомимся съ самой организаціей, тѣмъ болѣе, что эти свѣдѣнія, касающіяся организаціи союзнаго совѣта, если не ошибаемся, появятся въ печати впервые.

Уставъ опредѣляетъ цѣль союза землячествъ такъ: подготовка къ будущей общественной дѣятельности (подъемъ нравственнаго и умственнаго уровня), защита общими силами своей самостоятельности и интересовъ отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій и матеріальная взаимопомощь. Для достиженія названныхъ цѣлей дѣятельность союза выражается: въ устройствѣ кружковъ саморазвитія, библіотекъ съ систематическимъ подборомъ книгъ, кружковъ научныхъ съ участіемъ профессоровъ и студентовъ, корпоративнаго студенческаго суда, организаціи матеріальной взаимопомощи (кассы, бюро для доставленія занятій, регулированіе стипендій и пособій); въ борьбѣ съ дѣйствующимъ университетскимъ уставомъ для достиженія свободы академическаго изученія и преподаванія, болѣе свободнаго доступа къ высшему образованію университетскаго самоуправленія; въ помощи лицамъ, пострадавшимъ за общее дѣло.

Дѣлами организаціи, прежде всего, руководятъ особые

органы, составляемые изъ членовъ землячествъ по одному изъ каждаго, со спеціальными функціями. На обязанности этихъ органовъ лежитъ: разработка всякихъ вопросовъ, занимающихъ въ данное время студенчество всѣхъ городовъ, соединеніе кружковъ саморазвитія, занятіе статистикой союза и всего студенчества, завѣдываніе общестуденческой библіотекой, наблюденіе за текущей студенческой жизнью и общественной и оповѣщаніе союза о достойныхъ вниманія фактахъ съ подробнымъ ихъ разслѣдованіемъ. Такихъ комиссій существуетъ шесть: 1) *комиссія сношеній* съ совѣтомъ должна составлять списки всѣхъ недостаточныхъ членовъ союза, нуждающихся въ посторонней помощи. Для этого каждый членъ комиссіи долженъ имѣть у себя списокъ всѣхъ членовъ своего землячества съ раздѣленіемъ ихъ на разряды по имущественному положенію. Списки всѣхъ нуждающихся съ раздѣленіемъ ихъ по степени нужды поступаютъ въ совѣтъ непосредственно или черезъ посредство курсовыхъ старостъ. Для обсужденія вопросовъ, занимающихъ въ данное время все русское студенчество, существуетъ 2) *междуземляческая комиссія*, на обязанности которой лежитъ созывъ междуземляческихъ собраній и предварительная разработка вопросовъ, подлежащихъ обсужденію этихъ собраній. Протоколы этихъ собраній широко распространяются по всему союзу. 3) *Статистическая комиссія* — опредѣляетъ положеніе студентовъ въ матеріальномъ отношеніи и выясняетъ высоту его нравственнаго и умственнаго развитія. 4) *Библіотечная комиссія* — завѣдуетъ общестуденческой библіотекой, собираетъ средства для ея пополненія, пріобрѣтаетъ книги въ систематическомъ порядкѣ, заводитъ сношенія съ существующими библіотеками студенческими и не студенческими, распространяетъ систематическіе каталоги. (Библіотека состоитъ изъ книгъ трудно достоваемыхъ и нелегальныхъ.) 5) *Комиссія наблюдательная* — слѣдитъ за общественной и студенческой жизнью, разслѣдуетъ под-

робно всѣ явленія, могущія быть интересными для студенчества, и оповѣщаетъ о нихъ весь союзъ. Изъ моментовъ, періодически повторяющихся въ студенческой жизни, слѣдуетъ оповѣщать о 12-мъ января (актъ и празднество), 19-мъ февраля (демонстраціи, собранія землячествъ, группъ, вечеринка, отношеніе профессоровъ и пр.), 8-мъ февраля въ Петербургѣ; увольненіе изъ университета за невзносъ платы и т. п. Кромѣ подобныхъ хроническихъ явленій, бываетъ много экстренныхъ какъ въ средѣ студентовъ, такъ и внѣ ея: напримѣръ, забастовки рабочихъ гдѣ-нибудь на заводахъ или фабрикахъ, аресты и высылки, предпринимаемыя полиціей, и т. п. Наконецъ, 6) *комиссія общестуденческихъ съѣздовъ*.

Техника дѣятельности комиссій и болѣе детальная разработка ихъ функціи предоставляется уже самимъ комиссіямъ. Подобной дифференціаціей союза на отдѣльныя комиссіи предполагалось достигнуть, во-первыхъ, правильной нормировки и спеціализаціи дѣятельности союза, что̀ должно было содѣйствовать успѣху въ ходѣ дѣлъ, а во-вторыхъ, привлеченія большаго числа членовъ союза къ активной дѣятельности и знакомства ихъ между собой на почвѣ общаго дѣла.

Центральнымъ органомъ — посредникомъ между отдѣльными коллективными единицами — являлся союзный совѣтъ, составленный изъ представителей всѣхъ землячествъ. Въ ряду указанныхъ выше спеціальныхъ комиссій онъ является какъ бы предсѣдателемъ и контролеромъ: онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы работы комиссій не прирывались, и каждое полугодіе требуетъ подробнаго отчета въ ихъ дѣятельности. Всѣ отчеты комиссіи, собранные вмѣстѣ, передаются по землячествамъ вмѣстѣ съ отчетомъ союзнаго совѣта. Какъ органъ самостоятельный, союзный совѣтъ слѣдитъ за всею жизнью союза и по мѣрѣ надобности выдѣляетъ изъ него отдѣльные органы со спеціальными функціями, наподобіе вышеописанныхъ. Кромѣ этого, союзный совѣтъ самостоятеленъ въ распоряженіи

денежными суммами, въ сношеніяхъ съ организаціями другихъ университетовъ и въ случаяхъ экстренныхъ дѣлъ. Какъ органъ наблюдательный, союзный совѣтъ долженъ слѣдить за всей студенческой жизнью, за существующими и возникающими организаціями легальными и нелегальными и, въ случаяхъ надобности, оказываетъ на нихъ вліяніе и даже при констатированіи вреда, приносимаго ими, старается уничтожить ихъ. Наконецъ, какъ центральный органъ, составленный изъ лицъ, выбранныхъ отъ всѣхъ коллективныхъ единицъ, союзный совѣтъ долженъ быть выразителемъ мнѣнія всего союза передъ университетскимъ начальствомъ и передъ обществомъ. Въ качествѣ исполнительнаго органа союзный совѣтъ долженъ приводить въ исполненіе постановленія союза.

Уставъ союзнаго совѣта.

1. Союзный совѣтъ составляется изъ представителей, выбираемыхъ на годъ отъ каждаго землячества.

Примѣчаніе. Въ случаяхъ отсутствія представителя, его мѣсто занимаетъ замѣститель, также выбранный землячествомъ.

2. Землячества, входящія въ союзъ, сохраняютъ полную внутреннюю автономію.

3. Представитель и замѣститель принимаются лишь съ согласія простого большинства всѣхъ членовъ союзнаго совѣта.

Примѣчаніе. Въ случаяхъ непринятія представителя или замѣстителя, союзный совѣтъ долженъ представить землячеству мотивировку его непринятія, при чемъ за землячествомъ остается право протеста въ судъ союза.

4. Представитель, пропустившій подъ рядъ два или не подъ рядъ три собранія союзнаго совѣта безъ уважительныхъ причинъ и не представившій вмѣсто себя замѣстителя, исключается изъ союзнаго совѣта.

Примѣчаніе. Уважительность причинъ обсуждается каждый разъ особо на собраніи союзнаго совѣта.

5. Если одинъ изъ членовъ союзнаго совѣта неисправно исполняетъ свои обязанности, послѣдній можетъ предложить его землячеству выбрать другого представителя.

Примѣчаніе. Поводомъ къ немедленному исключенію можетъ быть только партійная неблагонадежность.

6. Для наблюденія за спеціальными комиссіями союзный совѣтъ выдѣляетъ изъ своего состава постояннаго для каждой комиссіи делегата.

7. Делегаты должны слѣдить за тѣмъ, чтобы комиссіи правильно функціонировали, и докладывать объ ихъ дѣятельности на каждомъ собраніи союзнаго совѣта.

8. Предложенія, исходящія отъ какого-либо землячества, передаются обязательно союзнымъ совѣтомъ на обсужденіе всего союза, предложенія же какого-либо отдѣльнаго лица—только съ согласія простого большинства присутствующихъ членовъ союзнаго совѣта.

9. Союзный совѣтъ сообщаетъ по землячествамъ различнаго рода свѣдѣнія, интересныя въ какомъ-либо отношеніи, каковыя должны быть собираемы союзнымъ совѣтомъ.

Примѣчаніе. Все, что передается по землячествамъ, должно быть строго формулировано, и учрежденная собраніемъ формулировка должна быть тамъ же записана всѣми членами союзнаго совѣта.

10. Союзный совѣтъ самостоятеленъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) въ распоряженіи денежными средствами союзной кассы; 2) въ организаціи всякаго рода предпріятій, могущихъ пополнить средства кассы, какъ-то: устройство вечеринокъ, концертовъ, лотерей и т. п.; 3) въ сношеніяхъ разнаго рода студенческими организаціями, русскими и иностранными; 4) во всѣхъ случаяхъ, которые по существу не терпятъ отлагательствъ или требуютъ сохраненія особой тайны.

Примѣчаніе. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ союзный совѣтъ возможно скорѣе даетъ отчетъ землячествамъ.

11. Въ концѣ каждаго полугодія союзный совѣтъ даетъ подробный отчетъ въ своей дѣятельности и въ дѣятельности спеціальныхъ комиссій.

12. Новые члены союзнаго совѣта приносятъ присягу передъ общимъ собраніемъ союзнаго совѣта по установленной формѣ.

13. Собранія союзнаго совѣта считаются дѣйствительными при наличности $^2/_3$ всего состава союзнаго совѣта.

14. Всѣ недоразумѣнія между союзнымъ совѣтомъ и землячествами рѣшаются судомъ союза.

15. Каждое землячество вноситъ въ центральную кассу, состоящую при союзномъ совѣтѣ, не менѣе 5% изъ всего годового дохода.

Уставъ суда союза.

1. Союзный судъ составляется изъ представителей отъ землячествъ по одному отъ каждаго.

2. Представитель землячествъ въ союзномъ совѣтѣ не можетъ быть въ то же время представителемъ въ союзномъ судѣ.

3. Землячества, не имѣющія своего представителя въ союзномъ совѣтѣ, не могутъ имѣть его также въ союзномъ судѣ.

4. Вновь избранные члены вводятся своимъ предшественникомъ, а за неимѣніемъ такового, кѣмъ-либо изъ другихъ членовъ суда и обязаны оставаться въ своей должности до избранія замѣстителя.

5. Новые члены суда приносятъ присягу по установленной формѣ передъ общимъ собраніемъ членовъ суда*).

6. Представитель, пропустившій подъ рядъ или не подъ рядъ три собранія союзнаго суда безъ уважительныхъ причинъ и не представившій вмѣсто себя замѣстителя, исключается изъ союзнаго суда.

7. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ судъ рѣшаетъ самъ, подлежитъ ли дѣло его разсмотрѣнію, или же должно быть передано землячеству, курсу и т. п. организаціямъ.

8. Для разслѣдованія дѣлъ, поступающихъ въ судъ, назначается особая слѣдственная комиссія.

9. Для каждаго члена суда, кромѣ предсѣдателя, обязательно участіе хоть въ одной слѣдственной комиссіи.

10. Всякое собраніе дѣйствительно при наличности $^2/_3$ всего состава суда. Всѣ рѣшенія принимаются простымъ большинствомъ голосовъ, а приговоръ постановляется большинствомъ $^3/_4$ присутствующихъ членовъ.

11. По постановленію приговора суда, онъ поставляется въ извѣстность тотчасъ же только обвиняемому и землячеству, въ которомъ онъ состоитъ, ни въ какомъ землячествѣ приговоръ не опубликовывается. Если въ теченіе срока, назначеннаго судомъ по постановленіи приговора, онъ остается не опротестованъ, то приговоръ проводится въ исполненіе.

12. Дѣла, приговоръ по которымъ опротестованъ, вновь разсматриваются союзномъ судомъ, и вторичное рѣшеніе его безапелляціонно и безусловно обязательно для всѣхъ членовъ союза.

---

*) У насъ сохраняется и образецъ присяги членовъ судебной комиссіи: „Я (такой-то), представитель (такого-то) землячества, даю честное слово судить по совѣсти, подробно изслѣдуя преступные факты и мотивы, ихъ вызвавшіе. Даю честное слово ни при какихъ обстоятельствахъ не разглашать ничего относительно судебной комиссіи, кромѣ того, что сама она постановитъ предать гласности. Въ случаѣ репрессій со стороны полиціи или университетскаго начальства даю слово всѣми силами оберегать цѣлость и безопасность организаціи судебной комиссіи и даже въ случаѣ перемѣны своихъ убѣжденій своимъ знакомствомъ съ организаціей не служить враждебнымъ ей силамъ, стремящимся насильственнымъ образомъ ее уничтожить. Взятыя на себя порученія судебной комиссіи даю честное слово исполнять добросовѣстно и аккуратно“.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

13. Окончательный приговоръ оповѣщается судомъ по землячествамъ, а исполненіе возлагается на союзный совѣтъ.

14. Деньги для расходовъ выдаются союзнымъ совѣтомъ по требованію суда изъ центральной кассы, при чемъ подробный отчетъ отдается судомъ землячествамъ.

15. Всякіе переговоры съ союзнымъ совѣтомъ ведутся черезъ предсѣдателей.

16. Члены, выходящіе изъ суда, обязаны довести слѣдствіе, ввѣренное имъ, до конца.

17. Въ началѣ каждаго академическаго года союзный судъ представляетъ всѣмъ землячествамъ программу дѣятельности въ текущій годъ.

Вѣдѣнію суда союза принадлежатъ: 1) проступки противъ студенческой организаціи; 2) проступки, нарушающіе принципы нравственности, и 3) недоразумѣнія, могущія возникнуть а) между отдѣльнымъ лицомъ и коллективной единицей, б) между отдѣльными коллективными единицами, в) между союзнымъ совѣтомъ и коллективными единицами.

Если въ какомъ-либо землячествѣ или на курсѣ возникаетъ дѣло, которое не требуетъ особеннаго сложнаго разбирательства, въ такомъ случаѣ оно рѣшается самимъ землячествомъ или курсомъ; если же для рѣшенія подобнаго дѣла нужно болѣе или менѣе сложное разбирательство, дѣло передается въ союзный судъ. Такимъ образомъ землячества и курсы являются низшими судебными инстанціями, а союзный судъ — высшею.

Въ виду того, что союзный судъ является судомъ присяжныхъ и въ то же время функціи его довольно сложны и спеціальны, никакое другое студенческое учрежденіе не можетъ вмѣшиваться въ веденіе судомъ подсудныхъ ему дѣлъ.

На ряду съ указанными организаціями уставъ союза выдвигаетъ еще спеціальныя *курсовыя организаціи*. Необходимость такой организаціи объяснительная записка при уставѣ мотивируетъ слѣдующими соображеніями. Союзъ, какъ организація нелегальная, не можетъ съ такимъ успѣхомъ выполнять нѣкоторыя дѣла, съ какимъ

могло бы дѣлать это учрежденіе не вполнѣ нелегальное, не дѣлающее того, что преслѣдуется.

Къ такой категоріи дѣлъ „терпимыхъ“ относится матеріальная взаимопомощь, поставленная не такъ узко, какъ въ землячествахъ. Кромѣ того, союзъ землячествъ объединяетъ собою меньшую часть студенчества, немного болѣе 1/4, въ то время, какъ большинство, представляющее изъ себя неорганизованную толпу, не только не принимаетъ никакого участія въ общемъ дѣлѣ, но даже тормозитъ его; когда же объединенное меньшинство съ большими трудностями достигаетъ какихъ-либо положительныхъ результатовъ своей дѣятельности, ими одинаково пользуются всѣ. Поэтому, чтобы заставить всѣхъ студентовъ принимать участіе хоть въ нѣкоторой части всѣхъ дѣлъ, необходима такая организація, которая, во-первыхъ, по своему внѣшнему устройству охватывала бы все студенчество, а во-вторыхъ, будучи учрежденіемъ полулегальнымъ представляла возможность открыто высказать общее мнѣніе и направленіе студенчества — если не всего, то во всякомъ случаѣ большинства — по тѣмъ или другимъ вопросамъ передъ правящими университетскими сферами и даже передъ обществомъ.

Всѣмъ этимъ цѣлямъ и можетъ удовлетворять курсовая организація.

Такимъ образомъ одна изъ главныхъ задачъ *комиссіи курсовыхъ старостъ* состоитъ въ широкой организаціи матеріальной взаимопомощи. Организація эта можетъ выразиться въ слѣдующемъ видѣ: во-первыхъ, всѣ прошенія въ комитетъ и къ инспектору объ освобожденіи отъ платы за право слушанія лекцій, о пособіяхъ и стипендіяхъ, о билетахъ въ даровую столовую, должны проходить черезъ эту комиссію, при чемъ всѣ подающіе прошенія должны быть раздѣляемы комиссіей по степени ихъ нуждъ. Эта работа комиссіи старостъ будетъ значительно облегчена землячествами, такъ какъ большинство нуждающихся участвуетъ въ землячествахъ, а эти послѣднія, какъ гово-

рилось раньше, должны составлять списки нуждающихся членовъ. Такимъ образомъ на долю комиссіи старостъ останутся тѣ студенты, которые не участвуютъ въ земляческахъ, и работа посредствующая, т.-е. обязанность внести прошенія, представленныя землячествамъ, въ общіе списки съ группировкой по степени нужды и передать ихъ въ комитетъ или инспектору, смотря по тому, куда они адресованы. При этомъ, конечно, необходимо сговориться съ комитетомъ и инспекторомъ, чтобы прошенія принимались исключительно отъ курсовыхъ старостъ и за поручительствомъ курсовъ. Но какъ показываетъ практика, ни университетскія ни комитетскія суммы не могутъ удовлетворить всѣхъ нуждающихся. Поэтому помимо того, что дѣлаютъ въ этомъ направленіи землячества, на курсахъ необходимо устройство кассъ, которыя должны составляться изъ постоянныхъ ежемѣсячныхъ взносовъ и экстреннихъ сборовъ. Затѣмъ комиссія старостъ должна представлять изъ себя бюро для спроса и предложенія различнаго рода занятій на зимнее и лѣтнее время, какъ-то, уроки, переписка и др. Наконецъ, на обязанностн курсовыхъ старостъ лежитъ: изданіе лекцій, курсовой судъ, дѣла экстреннія и свои для каждаго курса и факультета. Изданіе лекцій необходимо организовать такимъ образомъ, чтобы цѣна листа лекцій для всѣхъ курсовъ и факультетовъ была одинакова: для этого вся сумма расходовъ по всѣмъ изданіямъ должна быть раздѣлена на все число подписчиковъ всѣхъ курсовъ и факультетовъ; подобнымъ изданіемъ устраняются такого рода частныя предпріятія, въ большинствѣ случаевъ не удовлетворительныя, и дается возможность всѣмъ курсамъ имѣть необходимыя лекціи. Въ настоящее же время курсы съ небольшимъ числомъ студентовъ не имѣютъ возможности издавать лекціи.

Курсовой судъ долженъ вѣдать тѣ дѣла, которыя касаются исключительно даннаго курса и не требуютъ особенно сложнаго разбирательства. Постановленія должны быть передаваемы черезъ посредство собранія старостъ

по другимъ курсамъ и факультетамъ. Дѣла сложныя передаются суду союза. Подъ дѣлами экстренными, подвѣдомственными комиссіи курсовыхъ старостъ, подразумѣваются дѣла, не имѣющія по существу ничего нелегальнаго, но касающіяся всего студенчества или части его. Такъ напр., дѣло по поводу избіенія полиціей студентовъ. Затѣмъ на каждомъ курсѣ бываютъ свои дѣла, какъ-то: сношенія съ профессорами, распредѣленіе практическихъ занятій, экзаменовъ, зачетовъ и т. п., которыя касаются старостъ даннаго курса или факультета. Подробная разработка отдѣльныхъ сторонъ дѣятельности этой организаціи должна быть предоставлена ей самой. Какъ организація, хотя съ сравнительно небольшимъ и довольно узкимъ полемъ дѣятельности, но охватывающая все студенчество, комиссія старостъ должна быть исполнительнымъ органомъ союза.

Постановленія суда союза для болѣе широкаго распространенія должны быть оповѣщаемы черезъ старостъ всѣмъ студентамъ; постановленія союза по поводу устройства всякаго рода манифестацій, демонстрація, коллективныхъ петицій и т. п. должны быть приводимы въ исполненіе опять таки курсовой организаціей. Для того, чтобы союзъ имѣлъ возможность пользоваться курсовой организаціей, какъ своимъ исполнительнымъ органомъ, необходимо образовывать на курсахъ партіи союза при помощи знакомства на каждомъ курсѣ всѣхъ участвующихъ въ землячествахъ. Такимъ образомъ возможно будетъ проводить въ старосты кандидатовъ намѣчаемыхъ союзомъ и имѣть партіи союза по поводу каждаго дѣла.

Уставъ комитета курсовыхъ старостъ.

1. Комитетъ составляется изъ старостъ, выбираемыхъ въ началѣ каждаго академическаго года по одному на курсѣ.

2. Старосты имѣютъ помощниковъ, выбираемыхъ всѣмъ курсомъ по одному отъ каждыхъ 50 человѣкъ.

Примѣчаніе. Если число студентовъ на курсѣ не дѣлится на 50, а остатокъ менѣе десяти, то онъ не принимается въ расчетъ, остатокъ же болѣе 10 считается за 50.

3. Прежде чѣмъ постановлять какое-либо рѣшеніе, всѣ старосты должны спросить у своего курса мнѣніе по данному вопросу.

4. Рѣшеніе, постановленное комитетомъ, считается обязательнымъ для всѣхъ курсовъ.

5. Предложенія отдѣльныхъ курсовъ должны передаваться всѣмъ остальнымъ, при чемъ формулировка, утвержденная предварительно курсомъ, должна быть записана старостой и въ такомъ видѣ передана всѣмъ остальнымъ курсамъ.

6. Всѣ дѣла судебнаго характера разбираются старостой, его помощникомъ и особо выбираемыми для каждаго дѣла лицами, и результаты докладываются курсу на окончательное обсужденіе.

7. Касса курса находится у одного изъ помощниковъ старосты.

8. Прошенія о стипендіяхъ, пособіяхъ и т. п. подаются старостѣ и его помощникамъ не позже опредѣленнаго срока, назначаемаго каждый разъ комитетомъ старостъ.

9. Сношенія съ комитетомъ и инспекторомъ ведутся черезъ посредство постоянныхъ предсѣдателя и секретаря, выбираемыхъ комитетомъ старостъ изъ своей среды въ началѣ каждаго академическаго года.

Примѣчаніе. Сношенія отдѣльныхъ курсовъ по частнымъ курсовымъ дѣламъ ведутся черезъ ихъ старостъ.

10. Въ случаѣ отсутствія по какимъ-либо причинамъ старосты его обязанность исполняетъ одинъ изъ помощниковъ.

11. Вмѣсто старосты, пропустившаго два собранія подъ рядъ безъ особо уважительныхъ причинъ, предлагается курсу выбрать другого.

12. Собраніе комитета старостъ считается дѣйствительнымъ при наличности $^1/_3$ своего состава.

13. Постановленія дѣлаются большинствомъ $^2/_3$ присутствующихъ членовъ комитета.

14. Въ концѣ каждаго академическаго года комитетъ отдаетъ общій отчетъ своей дѣятельности.

15. Отчеты по кассѣ должны представляться въ концѣ каждаго полугодія.

Мы видимъ, что въ университетѣ создается сложная, но въ общемъ довольно стройная студенческая организація. Ей суждено было руководить университетскими дѣлами въ 90-хъ годахъ. Союзный совѣтъ, по выраженію доклада комиссіи, избранной совѣтомъ московскаго университета 28 февраля 1901 г. для выясненія причинъ студенческихъ волненій и мѣръ къ упорядоченію уни-

верситетской жизни, пользовался „диктаторской властью“ надъ студенчествомъ. Въ слѣдующей главѣ мы и посмотримъ, въ чемъ выражалась эта „диктаторская власть“.

II.

Общая цѣль дѣятельности студенческихъ организацій, какъ она намѣчалась въ 90-хъ годахъ, была ясно формулирована на II съѣздѣ (1894 г.) университсетких делегатовъ въ Москвѣ. „Прежнее студенчество, разрозненное и слабое, реагировало на гнетъ внѣшнихъ условій при помощи тѣхъ средствъ, какія только доступны неорганизованной массѣ: сходками и безпорядками. Но такая борьба только еще болѣе ослабляла студенчество, только еще болѣе увеличивала гнетъ. Безплодность этой борьбы заставила студентовъ вдуматься въ причину своей слабости и своихъ неудачъ. И только такимъ долгимъ и мучительнымъ путемъ студенты пришли къ мысли, что безпорядки являются сизифовой работой, и, отрѣшившись отъ традиціонныхъ фразъ на II-мъ студенческомъ съѣздѣ, принципіально и категорически высказались противъ безпорядковъ и выработали новую, на этотъ разъ вполнѣ „правильную тактику“. Согласно новымъ взглядамъ, студенчество твердымъ и спокойнымъ образомъ дѣйствій должно доказать свою умственную и нравственную зрѣлость, разсѣять ходячія ложныя представленія въ обществѣ о студенческой организаціи и вызвать его сочувствіе, заставить администрацію считаться съ ней, понявъ ея неизбѣжность, цѣлесообразность, справедливость ея требованій, безопасность ея существованія для „общественнаго спокойствія и порядка“ и такимъ образомъ не имѣть больше никакихъ причинъ и поводовъ отказываться признавать то, что уже фактически существуетъ“. „Слѣдовательно всякій, кто дорожитъ, съ своей стороны, честью и достоинствомъ старѣйшаго университета и въ полномъ съ нимъ согласіи намѣренъ принять „мѣры къ охраненію порядка“, долженъ сочувствовать новому направленію среди студентовъ,

поощрять эту тенденцію и устранять всѣ поводы къ безпорядкамъ и вмѣшательству полиціи въ дѣла университета“ (*Письмо Союзнаго Совѣта 14 ноября 1894 г.*).

Такимъ образомъ студенческія организаціи должны были усвоить себѣ „мирный, возможно легальный“ образъ дѣйствій. Съ этою цѣлью политика совершенно устранялась изъ университетской жизни; значеніе корпоративныхъ организацій сводилось исключительно къ удовлетворенію профессіональныхъ нуждъ студенчества. Ставя въ основу своей дѣятельности матеріальную и духовную взаимопомощь, землячества въ текущей работѣ сосредоточиваютъ вниманіе на урегулированіи и контролированіи выдачи стипендій и пособій, на организаціи земляческихъ и курсовыхъ кассъ взаимопомощи и дешевыхъ столовыхъ.

Надо ли говорить, какое значеніе имѣла эта взаимопомощь для студенчества, принадлежащаго въ большинствѣ къ необезпеченнымъ классамъ общества, при той дороговизнѣ высшаго образованія, которая была установлена университетскимъ уставомъ 1884 г., и той безпорядочности и произвола выдачи пособій и стипендій, которые наблюдались въ дѣйствительности. Мы слишкомъ хорошо знаемъ, какъ при выдачѣ пособій и стипендій до послѣдняго времени университетская администрація часто руководилась соображеніями, вытекающими не изъ одного имущественнаго положенія студента, а его политической благонадежности. Несомнѣнно, при такихъ условіяхъ *нравственное* вліяніе организаціи имѣло огромное значеніе — нелегальныя организаціи не могли, конечно, какъ проектировалось, непосредственно принимать участіе въ распредѣленіи пособій недостаточнымъ элементамъ.

Въ связи съ этою дѣятельностью слѣдуетъ отмѣтить статистическую работу, ежегодно производимую по иниціативѣ центральнаго органа землячествами для обслѣдованія матеріальнаго быта студентовъ, путемъ опросныхъ бланковъ, и помощь, которую оказывали землячества пострадавшимъ товарищамъ.

Къ матеріальной помощи тѣсно примыкала и другая функція организацій — „поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня студентовъ“. Въ этой области первое мѣсто занимали земляческія библіотеки и кружки саморазвитія. На общія средства эти кружки и библіотеки получали возможность выписывать текущіе журналы и газеты, недоступныя по своей цѣнѣ изданія, библіографическія рѣдкости, къ каковымъ въ тѣ времена относилось огромное большинство той массы книгъ, которая въ настоящее время свободно обращается на книжномъ рынкѣ. Земляческія библіотеки не стояли отдѣльно другъ отъ друга — онѣ образовывали союзъ земляческихъ библіотекъ для взаимнаго пользованія книгами. Въ 1894 г. возникла центральная союзная бобліотека, гдѣ сосредоточивалась нелегальная литература.

Просматривая отчетъ о дѣятельности союзнаго совѣта за 1893—94 гг., мы видимъ, что услугами центральнаго бюро, или такъ называемой кружковой комиссіи, пользуется до 13 отдѣльныхъ кружковъ саморазвитія, не входящихъ въ составъ землячествъ. Изъ центральной организаціи они берутъ книги, составленные для прочтенія рефераты, программы для самообразованія, каталоги и пр. Заслуживаетъ глубокой симпатіи работа центральнаго бюро по составленію каталоговъ. Эти каталоги и до настоящаго времени не утратили своего интереса. Рекомендуя лучшія сочиненія по различнымъ общественнымъ вопросамъ, они даютъ исчерпывающій перечень журнальныхъ статей за нѣсколько лѣтъ.

Для объединенія дѣятельности отдѣльныхъ кружковъ саморазвитія и землячествъ существовали такъ называемыя междуземляческія „рефератныя“ собранія, которыхъ, напримѣръ, въ 1893 г. было устроено до 12. Союзный совѣтъ, какъ центральный органъ, руководитъ всей этой просвѣтительной работой.

Въ области заботъ союзнаго совѣта объ умственныхъ интересахъ студенчества заслуживаютъ быть отмѣчен-

ными мѣропріятія совѣта къ измѣненію характера студенческихъ празднествъ и особенно „праздника просвѣщенія“ 12-го января, проходившаго обычно разгульно, въ пьянствѣ „до положенія ризъ“. Желая устранить такой характеръ ежегодныхъ традиціонныхъ торжествъ по крайней мѣрѣ для членовъ союза, совѣтъ принимаетъ мѣры къ устройству земляческихъ и междуземляческихъ обѣдовъ, вечеринокъ идейнаго характера. Для такихъ собраній совѣтъ обыкновенно вырабатывалъ заранѣе и опредѣленную программу бесѣды. Приводимъ здѣсь программу, выработанную на 12 января 1896 г.

I. Почему гимназія и университетъ не удовлетворяютъ студентовъ и лучшихъ людей Россіи.

а) Что мы получили послѣ восьмилѣтняго пребыванія въ гимназіи. б) Съ какими надеждами и ожиданіями вступаемъ мы въ университетъ, и что мы тамъ находимъ. в) Можетъ ли каждый студентъ удовлетвориться только своими спеціальными науками, какъ человѣкъ вообще и какъ будущій общественный дѣятель. г) Возможно ли и какъ примирить занятія по своей спеціальности съ занятіями по общему образованію; если невозможно, то чему отдать предпочтеніе.

II. Студенческая организація: а) ея значеніе и задачи, в) условія ея существованія.

III. Что ожидаетъ насъ послѣ университета: а) общій характеръ либерально-буржуазныхъ теченій, б) въ чемъ проявляется легальная дѣятельность идейныхъ людей, в) характеристика нелегальной дѣятельности идейныхъ людей, г) причины зарожденія послѣдняго рода дѣятельности въ связи съ выясненіемъ понятія о нелегальной дѣятельности.

IV. Возможное и желательное поле дѣятельности для интеллигенціи въ провиціи.

V. Что нужно для болѣе успѣшной общестенной дѣятельности въ провиціи, и насколько университетская жизнь можетъ и должна подготовлять насъ къ этому.

На ряду съ татьяниномъ днемъ общестуденческимъ праздникомъ являлось и 19-ое февраля, еще задолго до правительственнаго зачисленія этого дня въ число праздничныхъ. Празднество выражалось въ непосѣщеніи въ этотъ день лекцій и занятій. Воспоминаніе о днѣ освобожденія крестьянъ, когда былъ заложенъ краеугольный камень

молодой Россіи, являлось въ то же время и тризной по либеральнымъ реформамъ. Союзный совѣтъ въ своихъ прокламаціяхъ призывалъ студенчество непосѣщеніемъ лекцій выражать пассивный протестъ противъ реакціоннаго движенія, приведшаго по отношенію къ университету къ уничтоженію академической свободы. Предлагая воздерживаться отъ какихъ-либо демонстрацій въ формѣ безпорядковъ, принципіально нежелательныхъ, союзный совѣтъ организуетъ, какъ и 12-ое января, особыя собесѣдованія по вопросамъ, связаннымъ съ крестьянской реформой. Одну изъ такихъ программъ собесѣдованій на 19-го февраля, предложенныхъ союзнымъ совѣтомъ, мы приводимъ ниже.

I. Дореформенная эпоха:

1) происхожденіе крѣпостного права и различные взгляды на этотъ вопросъ; 2) главные моменты въ развитіи крѣпостного права: a) народное хозяйство, b) отношеніе государства къ крестьянскому вопросу, c) отношенія между крестьянами и владѣльцами, государствомъ, помѣщиками и пр., d) вліяніе крѣпостного права на общественную жизнь.

II. Паденіе крѣпостного права: 1) причина паденія крѣпостного права; 2) отношеніе правительства, дворянства и крестьянства къ крестьянскому вопросу; 3) литературныя и общественныя теченія, имѣющія отношеніе къ крестьянской реформѣ: a) славянофильство, b) западничество, c) радикализмъ и т. д.; 4) основныя начала и осуществленіе положенія 19 февраля 1861 года.

III. Отношеніе русскаго общества къ крестьянскому вопросу.

A. Теоретическое отношеніе русскаго общества къ крестьянскому вопросу:

1) политика офиціальной власти по крестьянскому и связаннымъ съ нимъ вопросамъ: a) крѣпостники, b) либеральная бюрократія и т. д.;

2) отношеніе органовъ самоуправленія (земства, сельскаго міра и пр.) къ означеннымъ вопросамъ: a) консервативные элементы, b) либеральные элементы.

3) Университетская наука и ея отношеніе къ крестьянскому и смежнымъ съ нимъ вопросамъ: a) офиціальная наука; b) старыя теченія; c) новыя теченія.

4) Взгляды журналистики на тѣ же вопросы: a) либеральная пресса; b) реакціонная пресса.

5) Взгляды нелегальныхъ фракцій русскаго общества на тѣ же

вопросы: a) народовольцы; b) народоправцы; c) соціалъ-демократы; d) толстовцы и т. д.

B. Практическое отношеніе русскаго общества къ крестьянскому вопросу:

1) Дѣятельность правительства въ интересахъ поднятія народнаго хозяйства: a) отношеніе его къ крупному, среднему и мелкому землевладѣнію и земледѣлію; b) отношеніе его къ колоніальному, переселенческому и т. п. вопросамъ; c) мѣры къ поднятію крупной промышленности въ связи съ улучшеніемъ въ области сельскаго хозяйства; d) отношеніе его къ рабочему вопросу; e) итоги дѣятельности правительства за періодъ времени отъ 1861—1896 гг.

2) Дѣятельность органовъ самоуправленія въ области народнаго хозяйства и народнаго быта: a) отношеніе къ общинѣ; b) заботы о крупномъ землевладѣніи; c) заботы о мелкомъ крестьянскомъ землевладѣніи; d) дѣятельность въ области духовной культуры; e) итоги дѣятельности органовъ самоуправленія за періодъ времени 1861—1896 гг.

3) Сфера вліянія университетской науки и ходъ народно-хозяйственной эволюціи за тотъ же періодъ времени.

4) Сфера вліянія журналистики на разрѣшеніе проблемъ народнаго хозяйства за тотъ же періодъ.

5) Сфера дѣятельности русскаго общества въ области матеріальной и духовной культуры за тотъ же періодъ.

6) Роль нелегальныхъ партій въ хозяйственной эволюціи Россіи: a) итоги дѣятельности отдѣльныхъ партій въ означенный періодъ.

7) Современное положеніе народнаго хозяйства въ Россіи и возможный путь народно-хозяйственной эволюціи Россіи.

8) Взаимоотношенія и взаимовліянія крупной промышленности и крупнаго землевладѣнія, съ одной стороны, и кустарной промышленности и крестьянскаго хозяйства — съ другой.

9) Главные моменты въ исторической эволюціи Россіи за періодъ времени 1861—1896 гг.

10) Вопросъ о наиболѣе могущественномъ факторѣ историческаго процесса.

Нельзя, конечно, не признать большого культурнаго вліянія за перечисленными мѣропріятіями союзнаго совѣта. Среди нихъ нельзя не отмѣтить еще одного, выходящаго уже за предѣлы собственно студенческихъ интересовъ.

Въ отчетѣ о дѣятельности совѣта за 1893—1894 гг. мы встрѣчаемъ указаніе на попытку организовать среди студенчества кадры руководителей для простого народа

при посѣщеніи музеевъ, галлерей и пр. Проектъ этотъ, возникшій по иниціативѣ вятскаго землячества, былъ встрѣченъ съ горячимъ сочувствіемъ. Союзный совѣтъ обратился съ этой цѣлью къ завѣдующимъ главными московскими музеями и предложилъ каждому землячеству образовать студенческія артели безплатныхъ объяснителей и разсказчиковъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ, чтобы судить получилъ ли этотъ проектъ реальное осуществленіе. Мы указываемъ на него съ цѣлью лишь отмѣтить иниціативу центральнаго студенческаго органа.

Къ просвѣтительной дѣятельности организацій близко примыкала и дѣятельность, направленная къ поднятію, въ собственномъ смыслѣ слова, нравственнаго уровня студенчества. Въ этомъ направленіи уже оказывалъ извѣстное дѣйствіе контроль общественнаго мнѣнія въ дѣлѣ пользованія стипендіями и пособіями. Изъ отчетовъ мы узнаемъ, что благодаря контролю обнаруживался рядъ случаевъ неправильнаго пользованія пособіями со стороны лицъ, по своему матеріальному достатку не имѣющихъ права на нихъ расчитывать. При такихъ условіяхъ, несомнѣнно, контроль имѣлъ огромное нравственное и воспитательное значеніе.

Къ той же категоріи относятся и указанныя уже нами мѣропріятія противъ разнузданности студенческихъ празднествъ. Съ этою цѣлью совѣтъ организовывалъ не только просвѣтительныя вечеринки, но бралъ на себя даже функціи полиціи благонравія, организуя особыя трезвыя компаніи, на которыя возлагалась задача обходить различныя увеселительныя заведенія и умѣрять разгулъ. И совѣтъ, въ концѣ концовъ, имѣлъ полное право констатировать, что если происходили такія печальныя явленія, какъ „массовыя сраженія съ дворниками и полицейскими въ примыкающихъ къ Срѣтенкѣ мѣстахъ“ или „пьяныя факельныя шествія съ публичными женщинами по Тверскому бульвару“, то контингентъ участниковъ въ этихъ

событіяхъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, не принадлежалъ къ составу членовъ союза.

И это онъ имѣлъ право утверждать и не по отношенію только къ московскому студенчеству. Примѣромъ можетъ служить побоище, происшедшее между студентами и полиціей въ Петербургѣ 8 февраля 1895 года.

Правительственное сообщеніе постаралось очернить студентовъ. Союзный совѣтъ московскихъ землячествъ на основаніи подробнаго выясненія происшедшаго по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ очевидцевъ и потерпѣвшихъ, безпристрастно констатируетъ, что „пьянствовавшіе студенты, дѣйствительно, позволяли себѣ выходки, недостойныя порядочнаго человѣка и возмутительныя какъ по своей безмысленности, такъ и по своему нахальству и распущенности“, но въ то же время свидѣтельствуетъ и то, что виновникомъ событій является петербургская „золотая молодежь“. Организованное меньшинство, проводившее этотъ вечеръ на вечеринкѣ, устроенной съ участіемъ болѣе популярныхъ среди молодежи литераторовъ и общественныхъ дѣятелей, не принимало никакого участія во всемъ происшедшемъ. Къ сожалѣнію, эта часть, интересующаяся общественными и научными вопросами, по своей еще малочисленности не могла оказать достаточнаго вліянія на студенческую массу, на ту среду, которая не можетъ быть даже „причислена къ интеллигентной учащейся молодежи“. Полиція, воспользовавшись озорствомъ этой части студенчества, устроила заранѣе обдуманный, организованный погромъ. И союзный совѣтъ московскихъ землячествъ въ своемъ воззваніи къ студентамъ 26-го февраля выражаетъ удивленіе передъ недальновидностью той части учащейся молодежи, которая своимъ поведеніемъ даетъ полиціи поводъ и возможность производить грубое насиліе и пользоваться безпорядками для личныхъ цѣлей; союзный совѣтъ одновременно выражаетъ надежду, что разыгравшіяся событія заставятъ петербургскихъ студентовъ обратить вниманіе на поведе-

ніе своихъ товарищей и послужатъ новымъ толчкомъ къ расширенію существующей у нихъ организаціи, которая можетъ въ значительной степени предохранить университетъ и студентовъ отъ повторенія подобныхъ грустныхъ и позорныхъ инцидентовъ.

Роль цензора общественныхъ нравовъ лежала, главнымъ образомъ на *судебной комиссіи* при союзномъ совѣтѣ (съ 1892 г.). Эта комиссія въ годовомъ отчетѣ своемъ (1893—94 гг.), представленномъ землячествамъ, такъ опредѣляетъ свою задачу: 1) Контроль надъ доступными ея воздѣйствію лицами и явленіями, имѣющими характеръ нежелательный и вредный для общественнаго самовоспитанія студенчества. Задачи суда не могутъ быть ограничены 2) необходимой самообороной противъ шпіоновъ и вопіющихъ университетскихъ безпорядковъ; главное вниманіе ея должно быть устремлено на массу студенчества и членовъ союза, среди которыхъ судебная комиссія обязана, 3) по возможности, предупреждать и искоренять всякаго рода безнравственныя явленія, особенно свидѣтельствующія о дурномъ отношеніи студентовъ къ лежащимъ на нихъ обязанностямъ, такъ сказать, общестуденческаго характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ студентамъ, какъ членамъ университета, должна принадлежать наравнѣ съ профессорами 4) охрана его чести отъ затрогивающихъ ее поступковъ какъ студентовъ, такъ и профессоровъ; особенно къ нравственной порядочности своихъ наставниковъ студенты не могутъ относиться безразлично. Авторитетъ суда союза долженъ быть преимущественно нравственнымъ, какъ авторитетъ товарищескаго суда совѣсти, но въ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло съ людьми, утратившими способность прислушиваться къ голосу своей совѣсти и общественному мнѣнію, судъ союза вынужденъ прибѣгать къ находящимся во власти союза репрессивнымъ мѣрамъ для обузданія или удаленія такихъ лицъ изъ университетской среды...

И передъ судебной комиссіей проходитъ вереница самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, иногда на первый взглядъ мелочныхъ, но въ конечномъ результатѣ имѣвшихъ огромное вліяніе на студенческую массу.

Мы должны отдать должное безпристрастію товарищескаго суда чести. Возьмемъ дѣятельность комиссіи за 1893—94 г. г., о которомъ у насъ наибольшее число свѣдѣній. Мы видимъ, что судебная комиссія разсмотрѣла 43 дѣла, распредѣляющіяся на двѣ группы: 5 дѣлъ, касающихся профессоровъ и университетскихъ чиновниковъ, и 38 — студентовъ. Студенческія дѣла въ свою очередь можно классифицировать по 11 группамъ: 1) шпіонство и доносы (5 дѣлъ); 2) внутреннія дѣла организаціи (5); 3) злоупотребленія стипендіями и пособіями лицъ, не принадлежащихъ къ землячествамъ (6); 4) дѣла, компрометирующія студенчество, какъ общественную силу (4); 5) преступленія противъ общественной нравственности (18); 6) ложныя показанія на судѣ (1); 7) ссоры и дрязги (4); 8) буйство (6); 9) мошенничество (4); 10) преступленія противъ чести женщинъ (2); 11) недобросовѣстное отношеніе къ обязанностямъ (1). Среди всѣхъ этихъ дѣлъ фигурируютъ дѣла о расплатѣ студентами фальшивыми мѣдными монетами, о вырѣзкѣ статьи изъ журнала при чтеніи въ Румянцовскомъ музеѣ, изнасилованіи, кражѣ и пр.

На ряду съ этими чисто мошенническими дѣлами выдѣляются и дѣла принципіальнаго характера. Для насъ особенно интересны дѣла о шпіонствѣ, показывающія, какъ осторожно относилась къ нимъ студенческая организація. Мы знаемъ, какъ легко возникали подобныя дѣла среди молодежи, что̀ и было естественно при ненормальныхъ условіяхъ университетской жизни, построенной на началахъ шпіонства. И не мало лицъ должны были принести благодарность студенческому суду за реабилитацію. Вотъ примѣры: судебная комиссія признала бывшаго студента С—а виновнымъ въ шпіонствѣ; приговоръ вызвалъ протестъ рязанскаго землячества, нашед-

шаго его слишкомъ строгимъ. Судебная комиссія немедленно пересматриваетъ дѣло и на основаніи новыхъ уличающихъ документовъ оставляетъ въ силѣ своей приговоръ; одновременно обнаруживается сообщничество съ С—омъ студента Г., находившагося въ ярославскомъ лицеѣ. По приговору товарищескаго суда Г. долженъ былъ оставить лицей. Студенты N. и Z. сами обращаются къ судебной комиссіи съ просьбой выяснить ихъ личности и освободить ихъ отъ обвиненія въ сношеніяхъ съ подозрительными личностями. Эти подозрѣнія по отношенію къ N. оказались неосновательными, по отношенію къ Z. — необоснованными. Судебная комиссія ихъ реабилитируетъ, объявляя, что выясненіе личности для нея, въ большинствѣ случаевъ, невозможно и что она можетъ только устанавливать наличность или отсутствіе фактовъ, вызывающихъ обвиненія или подозрѣнія. Разобрано дѣло по обвиненію Л—а въ шпіонствѣ. „За неимѣніемъ прямыхъ уликъ и положительной недостаточности косвенныхъ“ судебная комиссія не признаетъ Л—а за шпіона и назначаетъ дополнительное слѣдствіе о дальнѣйшей его жизни.

Судебной комиссіи приходилось рѣшать дѣла о шпіонствѣ и по отношенію къ лицамъ, уже не принадлежащимъ къ студенческой средѣ.

Напримѣръ, въ ноябрѣ 1894 г. въ средѣ значительной части студенчества распространились слухи о томъ, что кандидатъ на судебныя должности при московской судебной палатѣ г. Р. состоитъ шпіономъ. Слухи эти дошли до старшаго предсѣдателя судебной палаты, который предложилъ г. Р. или оправдаться во взводимомъ на него обвиненіи, или, въ противномъ случаѣ, подать прошеніе объ увольненіи со службы. Г. Р., по представленіи имъ оправдательныхъ документовъ, былъ оставленъ въ занимаемой должности; однако слухи, компрометирующіе его, не прекратились и продолжали циркулировать не только въ средѣ студентовъ, но и въ обществѣ. Судебная

комиссія, найдя первоисточникъ и прослѣдивъ развитіе компрометирующихъ слуховъ, а также на основаніи свѣдѣній, удостовѣряющихъ нравственную порядочность г. Р., пришла къ заключенію о полной неосновательности этихъ слуховъ, возникшихъ на почвѣ тревожнаго состоянія студенчества въ виду начавшихся въ то время арестовъ. Вотъ другое дѣло, относящееся, какъ и предыдущее, къ 1895 г. Съ весны 1894 г. стали распространяться слухи, что курсистка К. состоитъ шпіономъ. Въ началѣ слѣдующаго года эти слухи дошли до К. и, по ея заявленію, судебная комиссія взялась выяснить это дѣло. Первоисточникомъ этихъ слуховъ оказался нѣкій г. К—й, который гласно заявлялъ о шпіонствѣ. Это утвержденіе быстро распространилось на почвѣ не вполнѣ уравновѣшаннаго поведенія К—ы. Основываясь на массѣ свѣдѣній, собранныхъ изъ различныхъ городовъ, отъ разныхъ лицъ, близко знающихъ и знавшихъ К. съ давнихъ поръ и удостовѣряющихъ полную ея порядочность, а также принимая во вниманіе полную неосновательность тѣхъ фактовъ, которыми руководился г. К—ій, судебная комиссія высказываетъ сожалѣніе по поводу распространенія этихъ слуховъ, высказываетъ порицаніе г. К—у за его недобросовѣстное отношеніе къ чести другого лица и проситъ московское общество на будущее время относиться съ возможною осторожностью къ заявленіямъ г. К—а.

Кто знаетъ, не будь судебной комиссіи, оба указанныя лица были бы невинно заклеймлены позорнымъ обвиненіемъ.

Еще одно приблизительно аналогичное дѣло. Студентъ О—въ обвиняется въ томъ, что устроилъ будто бы шапочный сборъ въ аудиторіи и собранныя деньги присвоилъ себѣ. Слѣдствіе не установило самого факта. Судебная комиссія постановила дѣло прекратить, съ обвиняемаго О—ва подозрѣніе снять и написать въ этомъ смыслѣ отношеніе въ Ярославскій лицей, гдѣ въ данное время находился обвиняемый.

Среди дѣлъ принципіальнаго характера заслуживаетъ быть отмѣчено еще одно, характеризующее намъ безпристрастіе судебной комиссіи. Курсовыя организаціи являлись главнымъ образомъ исполнительными органами судебной комиссіи или органами посредничества. Напримѣръ, студентъ С. былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что присвоилъ себѣ 14 руб. изъ денегъ, вырученныхъ отъ спектакля, устроеннаго подъ легальной вывѣской въ пользу нелегальнаго учрежденія. С—кій заявилъ, что онъ никакого дѣла съ судебной комиссіей имѣть не желаетъ, а потому до постановленій ея ему никакого дѣла нѣтъ. Судебная комиссія по этому поводу рѣшаетъ предварительно обратиться къ организаціи 1-го курса медицинскаго факультета съ просьбой постараться воздѣйствовать такъ или иначе на С—го и, въ случаѣ неудачи этой попытки, предать дѣло широкой гласности.

Иногда курсовыя организаціи по дѣламъ, касающимся только опредѣленнаго курса, сами занимались судебнымъ разбирательствомъ. Судебная комиссія не устанавливала точнаго раздѣленія дѣлъ по компетенціи. Обыкновенно къ ней поступали дѣла принципіальнаго характера, при чемъ судебная комиссія получала право пересматривать рѣшеніе курса, и рѣшеніе о дѣлѣ судебной комиссіи считалось предпочтительнымъ по существу. Такое дѣло, прошедшее двѣ инстанціи и заинтересовавшее все студенчество, разыгралось въ октябрѣ 1894 г. Кѣмъ-то изъ студентовъ на лекціи медиковъ 4 курса была пущена записка съ приглашеніемъ не носить траура по императорѣ Александрѣ III и не подписываться на вѣнокъ ему. Студентъ Борисъ Соколовъ, прочитавъ въ ней фразу о широкомъ пользованіи ... нагайкой, попросилъ себѣ записку и быстро разорвалъ ее. По окончаніи лекціи курсъ потребовалъ у С. объясненія такого поступка. С., сильно взволнованный, заявилъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ уничтожить записку, которая, являясь (по его мнѣнію) пасквилемъ на уважаемую имъ лич-

ность..., тѣмъ самымъ оскорбляетъ и его личныя политическія убѣжденія.

Разборъ дѣла продолжался и на слѣдующей лекціи въ отсутствіи С—а, заявившаго, что къ своему первому объясненію онъ ничего болѣе прибавить не можетъ. Какъ на второй лекціи, такъ и на первой въ присутствіи С. раздавались крайне оскорбительныя для него выраженія, не остановленныя предсѣдательствовавшимъ. С. исключили изъ числа товарищей, при чемъ баллотировки произведено не было и отсутствіе протестовъ было принято за знакъ согласія всѣхъ. Въ виду того, что дѣло представляло принципіальный интересъ и слѣдовательно касалось не только курса, но и всего студенчества, нѣкоторые члены курса внесли его въ судебную комиссію съ просьбою: 1) произвести принципіальный разборъ поступка С.; 2) выяснить, опасенъ или не опасенъ Б. С. для своихъ товарищей въ полицейскомъ отношеніи; 3) высказаться относительно исключенія изъ числа товарищей, какъ особой карательной мѣры.

Судебная комиссія, выяснивъ дѣло, какъ оно изложено выше, постановила: 1) судебная комиссія считаетъ, что всякая записка, обращенная къ курсу, дѣлается его коллективной собственностью, независимо отъ содержанія. Разрывомъ записки С. нарушилъ это право; 2) въ фактѣ разрыва записки со стороны С. (въ данномъ случаѣ) было употреблено насиліе противъ выраженія убѣжденій части курса; 3) С. не имѣлъ права демонстративно выражать такія убѣжденія, которыя не могутъ быть гласно оспариваемы; 4) судебная комиссія обращаетъ вниманіе курса на то, что при разборѣ дѣла курсомъ не были соблюдены нѣкоторыя обычныя формальности и, кромѣ того, было допущено произнесеніе неумѣстныхъ и оскорбительныхъ для С. словъ; 5) судебная комиссія предлагаетъ курсу, чтобы, въ виду практическихъ неудобствъ, курсъ не дѣлалъ никакихъ предварительныхъ постановленій по дѣламъ, поступающимъ въ судебную

комиссію. Судебная комиссія рѣшила: если С. признаетъ себя принципіально неправымъ по первымъ тремъ пунктамъ и заявитъ объ этомъ курсу, то дѣло считать оконченнымъ; въ противномъ случаѣ предать гласности въ формѣ опубликованія фактической стороны дѣла и рѣшенія судебной комиссіи.

На представленный С-у приговоръ послѣдовалъ протестъ, въ которомъ онъ заявляетъ, что записки, оскорбляющія политическія убѣжденія, записки, носящія характеръ пасквиля, не могутъ считаться собственностью курса, потому что въ противномъ случаѣ пришлось бы, по его мнѣнію, признать право курса вмѣшиваться въ политическія убѣжденія личности. На второй пунктъ С. выставляетъ положеніе, что къ уничтоженію твореній пасквилянтовъ не приложимо слово „насиліе“. Относительно третьяго пункта онъ замѣчаетъ, что разрывъ записки свидѣтельствовалъ лишь объ извѣстномъ образѣ мыслей С, но отсюда до гласнаго выраженія своихъ убѣжденій еще далеко. Наконецъ, на основаніи третьяго пункта не могла быть пущена на курсъ и сама записка, ибо она являетъ собою выраженіе убѣжденій, которыхъ гласно оспаривать нельзя.

Вслѣдствіе этого протеста дѣло было пересмотрѣно. Судебная комиссія прежде всего заявляетъ, что она не можетъ рѣшить, носила ли извѣстная записка пасквильный характеръ или нѣтъ, такъ какъ возстановить ея содержаніе въ точности невозможно. Упоминаніе записки о нагайкѣ ни въ коемъ случаѣ не придаетъ ей характеръ пасквиля, ибо оно касается историческаго факта (студенческіе безпорядки 1884 г.). По поводу перваго пункта протеста судебная комиссія напоминаетъ, что выраженіе своихъ убѣжденій не можетъ быть оскорбленіемъ убѣжденій другого, а тѣмъ болѣе вмѣшательствомъ въ его личныя дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ судебная комиссія подтверждаетъ, что обычное право университета устанавливаетъ за курсомъ право собственности на всякую обращенную къ нему записку. На основаніи предыду-

щаго судебная комиссія считаетъ и второе положеніе протеста неотносящимся къ дѣлу; записка была обращена къ курсу, слѣдовательно, право рѣшать, пасквиль она или не пасквиль, право пустить ее или уничтожить принадлежитъ курсу, а не С. Въ виду не вполнѣ ясной формулировки 3 пункта своего приговора судебная комиссія измѣнила ее слѣдующимъ образомъ: „Никто не имѣетъ права пользоваться такимъ способомъ выраженія своихъ убѣжденій, къ какому противники не могутъ прибѣгать „по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, судебная комиссія указываетъ, что лица, несогласныя съ запиской, могли пустить письменное контръвоззваніе. Разрывъ же записки былъ именно демонстраціей, вызвавшей рѣзкіе протесты, за которые каждый изъ протестовавшихъ могъ сильно поплатиться. Итакъ судебная комиссія оставляетъ въ силѣ свой первый приговоръ, присовокупляя, что она признаетъ полную искренность и честность мотивовъ, по которымъ дѣйствовалъ студентъ Б. С., а потому считаетъ его только *неправымъ*. Вслѣдствіе этого судебная комиссія не нашла даже возможнымъ обсуждать вопросъ о какой-либо опасности студента Б. С. въ полицейскомъ отношеніи. Лица, бывшія товарищамм С. и затѣмъ разошедшіяся съ нимъ по различію убѣжденій, свидѣтельствуютъ, что „онъ остался человѣкомъ честнымъ". Высказанное въ 4 пунктѣ приговора судебная комиссія подтверждаетъ слѣдующими данными. При производствѣ суда надъ С. 1) были употреблены крайне оскорбительныя для послѣдняго выраженія, на которыя предсѣдатель собранія не обратилъ вниманія; 2) не было дано С. отсрочки для объясненія (о чемъ онъ просилъ), и 3) ни по одному вопросу не производилась баллотировка. Относительно третьяго вопроса, предложеннаго на обсужденіе судебной комиссіи, т.-е. относительно исключенія изъ числа товарищей, какъ особой карательной мѣры, она выскажется, когда соберетъ достаточно данныхъ. *(Сообщеніе отъ 8 марта 1895 г.)*

Въ разъясненіе своего постановленія по дѣлу Б. С., судебная комиссія въ особомъ воззваніи 12-го марта сообщаетъ, что первый пунктъ приговора. „Всякая записка, обращенная къ курсу, дѣлается его коллективной собственностью“, касается не только студенческихъ записокъ, но и обращеній инспекціи и постороннихъ лицъ.

Судебной комиссіи приходилось разсматривать дѣла о поведеніи студентовъ и внѣ предѣловъ Москвы. Напримѣръ, въ 1893 г. судебная комиссія должна была разслѣдовать дѣятельность медико-статистической организаціи въ Тюмени, вызвавшей массу нареканій со стороны общества. Послѣднее справедливо возмущалось дрязгами, сплетнями и взаимными обвиненіями медиковъ и статистиковъ, сильно тормозившими дѣло и подрывавшими вѣру въ пригодность студенческой организаціи для общественной дѣятельности. Главнымъ виновникомъ позорнаго для студенчества явленія судебная комиссія признала студ. Куша стремившагося изъ честолюбія захватить все дѣло въ свои руки и такимъ образомъ обращавшаго общественное служеніе въ орудіе для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Къ интригимъ Куша присоединились интриги нѣкоего Головачева, который пытался воспользоваться работами участниковъ организаціи въ своихъ личныхъ видахъ, также и нетактичное и небезупречное поведеніе медиковъ. Публикуя во всеобщее свѣдѣніе свое постановленіе, комиссія отмѣчаетъ факты крайне грубаго обращенія Куша съ волостными и сельскими властями Ишимскаго округа при собираніи статистическихъ свѣдѣній.

Одновременно судебная комиссія являлась и третейскимъ судомъ при недоразумѣніяхъ, происходившихъ между отдѣльными землячествами и союзнымъ совѣтомъ.

Не мало дѣлъ приходилось ей разсматривать, гдѣ фигурировали профессора и университетскіе чиновники. Такія дѣла ей невольно приходилось уже затрогивать потому, что они волновали студенчество. И только обдуманное

рѣшеніе судебной комиссіи, т.-е. компетентное рѣшеніе выборныхъ представителей, которымъ довѣряла масса, могло внести извѣстное успокоеніе. Въ одномъ 1893—94 академическомъ году такихъ дѣлъ разсматривалось 12: дѣло проф. Осипова, неправильно получившаго отъ физико-математическаго факультета степень доктора химіи, дѣло инспекціи о передачѣ позорящихъ студентовъ объявленій, предназначенныхъ для вывѣшиванія внутри университета, въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* (дѣло было прекращено, такъ какъ инспекція отреклась отъ посылки, другихъ же средствъ выяснить истину судебная комиссія не имѣла), дѣло проф. Янжула...

Дѣло Янжула было наиболѣе сенсаціоннымъ. Мы знаемъ что союзный совѣтъ постановилъ въ 1892 г. праздновать 19-го февраля прекращеніемъ лекцій въ университетѣ. Въ первый годъ осуществить это рѣшеніе на практикѣ не удалось. На слѣдующій годъ по этому поводу велась усиленная агитація, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ — лекцій почти нигдѣ не было. На этой почвѣ и разыгрался инцидентъ съ проф. Янжуломъ. 18-го февраля къ нему, какъ и ко многимъ другимъ профессорамъ, явилась депутація отъ 3-го курса юридическаго факультета съ просьбой не читать 19-го лекцій. Проф. Янжулъ, какъ распространился слухъ, принялъ депутатовъ крайне грубо, смѣялся надъ затѣями студентовъ и объявилъ, что въ слѣдующій день нарочно будетъ читать лекцію о квартирномъ налогѣ, т.-е. о томъ, чего въ печатномъ курсѣ нѣтъ, грозилъ экзаменами и т. п. Подъ впечатлѣніемъ этихъ слуховъ на другой день въ аудиторію его собралось до 100 студентовъ юристовъ и не-юристовъ. Когда г. Янжулъ взошелъ на каѳедру, то былъ встрѣченъ шиканьемъ и свистомъ, послѣ чего всѣ слушатели, за исключеніемъ человѣкъ до 20, удалились. Нѣкоторые изъ шикавшихъ и свиставшихъ, а также агитировавшихъ на курсахъ въ пользу непосѣщенія лекцій 19-го февраля, были замѣчены и отданы подъ судъ правленія универ-

ситета. Такое рѣшеніе вызвало волненіе въ университетѣ, о которомъ намъ придется говорить еще ниже.

Въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ участіе въ этомъ дѣлѣ судебной комиссіи, которой былъ переданъ на разсмотрѣніе инцидентъ съ проф. Янжуломъ. Судебная комиссія, разсмотрѣвъ данныя, представленныя слѣдственной комиссіей, признала: 1) что проф. Янжулъ въ своемъ заявленіи о томъ, что будетъ читать лекцію 19-го февраля о квартирномъ налогѣ, не имѣлъ въ виду оказать давленіе на студентовъ; 2) что Янжулъ до прихода депутатовъ не зналъ о желаніи большинства студентовъ не приходить 19-го; 3) что Янжулъ не смотрѣлъ на студентовъ П. и Р. какъ на представителей курса; но въ то же время комиссія видитъ въ насмѣшкѣ Янжула, направленной по адресу желавшихъ праздновать 19-е февраля непосѣщеніемъ лекцій, небрежное и оскорбительное отношеніе къ студентамъ... Считая въ общемъ инцидентъ до извѣстной степени недоразумѣніемъ, комиссія ограничилась принципіальнымъ постановленіемъ: „публичныя возраженія на мнѣнія, которыя не могутъ быть публично защищаемы, предосудительны; профессоръ не имѣетъ нравственнаго права относиться свысока и презрительно къ студентамъ въ аудиторіи“.

Нѣсколько иной характеръ носило рѣшеніе судебной комиссіи въ 1894 г. по громкому дѣлу проф. В. Мы беремъ документальное описаніе этого дѣла по протоколамъ судебной комиссіи безъ какихъ-либо комментаріевъ. Найдя необходимымъ оставить Харьковскій университетъ,—говорится въ приговорѣ судебной комиссіи,—проф. В. переѣхалъ въ Москву и открылъ въ качествѣ приватъ-доцента „курсъ философіи уголовнаго права“. Однако прошлое г. В., извѣстнаго студенчеству по такимъ процессамъ, какъ дѣло ростовщика Кравцова и земскаго начальника Протопопова, вызвали со стороны студентовъ *протестъ, едва не выразившійся въ крайне рѣзкой формѣ*. Вслѣдствіе этого союзный совѣтъ послалъ профессору депутатовъ

съ предложеніемъ въ виду могущей произойти демонстраціи отложить чтеніе лекцій до того времени, ког выяснится отношеніе къ нему студенчества. Самъ же союзный совѣтъ внесъ это дѣло въ судебную комиссію.

Передъ разборомъ дѣла предсѣдатель предложилъ на обсужденіе комиссіи слѣдующіе вопросы:

1) Имѣетъ ли право союзъ принять мѣры противъ вреднаго вліянія профессоровъ на студентовъ? (всѣ согласились). 2) Считаетъ ли судебная комиссія проповѣдуемыя съ каѳедры ретроградныя идеи вредными? (всѣ согласны). 3) Имѣетъ ли право союзъ при настоящихъ обстоятельствахъ по отношенію къ такому профессору употребить силу, какъ крайнее средство? (согласны, кромѣ 2). Разрѣшивъ указанные вопросы, комиссія приступила уже къ разсмотрѣнію самаго дѣла проф. В. Матеріаломъ послужили дѣло Протопопова, въ которомъ В. являлся защитникомъ (изъ *Русск. Вѣдом.)*, и комментаріи къ этому дѣлу изъ *Вѣстника Европы*; дѣло Кравцова (Сборникъ рѣчей В.), выдержки изъ письма одного харьковскаго профессора, касающіяся характеристики личности проф. В., и того же свойства показанія студента Московскаго, а ранѣе Харьковскаго университета, выписки изъ рѣчей В. по дѣламъ Андреева и Шмита, характеризующія взгляды В. на отвѣтственность предпринимателей, воинскую честь и преступленія, не предусмотрѣнныя закономъ. Послѣ долгихъ преній поставленъ былъ на баллотировку вопросъ: считаетъ ли судебная комиссія нужнымъ отложить окончательное постановленіе приговора до слѣдующаго своего собранія, къ которому могутъ быть получены еще нѣкоторыя данныя по этому дѣлу? 17 сочли нужнымъ отложить, 8 полагали, что имѣющихся данныхъ вполнѣ достаточно. Въ виду этого результата баллотировки дѣло В. было отложено.

Посвятивъ ему еще одно собраніе, судебная комиссія пришла къ слѣдующему заключенію (это заключеніе беремъ in extenso): „До 1885/6 года В. въ своихъ лек-

ціяхъ и въ рѣчахъ стоялъ за полную состязательность процесса, за защиту на предварительномъ слѣдствіи и за выборную мировую юстицію. Но чѣмъ болѣе выяснялось реакціонное направленіе прошлаго царствованія, тѣмъ полнѣе совершался переворотъ во мнѣніяхъ г. В. Въ актовой рѣчи, относящейся къ этому времени, профессоръ рѣзко высказывается за право предсѣдателя и прокурора обрывать защитника требованіемъ „защищать по существу“. Въ 1888 г. онъ уже съ каѳедры требуетъ „обузданія“ мировой юстиціи, а въ 1889 г. опредѣленно высказывается за замѣну ея административно-сословнымъ судомъ“. Наконецъ, въ 1892 г., несмотря на протестъ профессорской корпораціи, В. беретъ подъ свою защиту земскаго начальника Протопопова. Это дѣло, облетѣвшее въ свое время всю Россію и вызвавшее справедливыя негодованія и въ обществѣ и въ прессѣ, даетъ много для обрисовки нравственныхъ убѣжденій профессора — защитника. Уже одинъ тотъ фактъ, что профессоръ права берется за защиту насилія и безправія, достаточно рельефенъ для характеристики разборчивости и нравственной чистоплотности В. По показанію свидѣтелей В. взялся за это дѣло изъ желанія угодить администраціи и тѣмъ обезпечить себѣ карьеру. Самъ же В. объясняетъ свой поступокъ тѣмъ, что его особенно просили защищать Протопопова, какъ его бывшаго ученика; кромѣ того, онъ считаетъ обязательнымъ для юриста браться за всякое дѣло, подобно тому какъ докторъ долженъ итти на помощь ко всякому больному... И нужно отдать справедливость послѣдовательности г. В. „не было громкаго, грязнаго, но гонорарнаго процесса, — говоритъ одинъ свидѣтель, — въ которомъ не фигурировалъ бы Владимировъ“. Какъ на выдающійся примѣръ можно указать на дѣло ростовщика Кравцова, извѣстнаго грабителя юга Россіи (см. „Очерки русской жизни“ Шелгунова „Р. М. 1889 г.“ май), уже приговореннаго къ ссылкѣ однимъ составомъ суда и вновь защищавша-

гося В. По поводу этой защиты Кравцовъ громко заявлялъ: В. съ него много содралъ и скверно защищалъ. На корыстномъ характерѣ защиты настаиваетъ и свидѣтель. Появившееся въ *Южномъ Краѣ* (Харьковъ) заявленіе о безвозмездности защиты онъ рѣшительно считаетъ результатомъ сдѣлки Кравцова и В. Въ своей протопоповской рѣчи, объясняя, что оскорбительныя выраженія, съ которыми Протопоповъ постоянно обращался къ крестьянамъ, есть только „fason de parler“ человѣка, постоянно вращающагося среди мужиковъ; доказывая, что кулачная расправа, карцеры и аресты безъ протоколовъ есть только оскорбленіе, а никакъ не превышеніе власти со стороны правительственнаго чиновника, жалобы на котораго, по его словамъ, будутъ на мордѣ, а прошенія на задней части тѣла—во всемъ этомъ В. или является совершенно безпринципнымъ человѣкомъ, „со слишкомъ большою легкостью жонглирующимъ самыми дорогими для человѣка правами“, или выставляетъ себя ярымъ защитникомъ реакціонной теоріи обузданія. Мало того, отлично понимая всю беззащитность могущихъ появиться оппонентовъ, проф. В. дѣлаетъ возмутительную передержку, говоря, что „основная задача земскихъ начальниковъ именно отвѣчаетъ тому общему ходу развитія современной идеи государства, который по европейскимъ воззрѣніямъ на государство составляетъ послѣдній шагъ впередъ“. И въ этомъ виденъ реакціонеръ, пользующійся не совсѣмъ удобнымъ временемъ и мѣстомъ для проведенія идей правительства. Ведя послѣднія 8—10 лѣтъ множество дѣлъ, В. совершенно забросилъ свои научныя занятія. Указываемъ на слѣдующіе характерные факты. На вопросъ студентовъ о сочиненіяхъ Таганцева и Фойницкаго онъ заявилъ, что не читалъ, да и не будетъ читать ихъ; въ томъ же духѣ онъ отозвался на экзаменѣ въ присутствіи нѣкоторыхъ профессоровъ; онъ же — профессоръ — заявляетъ, что считаетъ лекціи „учрежденіемъ совершенно безполезнымъ“. Недобросовѣстное отношеніе В. къ дѣлу побу-

дило большинство студентовъ обратиться къ другому профессору съ просьбой открыть параллельный курсъ гражданскаго и уголовнаго права.

На основаніи вышеизложеннаго судебная Комиссія считаетъ доказаннымъ, что 1) В. проповѣдуетъ реакціонныя идеи, какъ безпринципный карьеристъ, 2) онъ берется за завѣдомо грязныя дѣла (процессъ жандармскаго полковника Сербина), 3) онъ недобросовѣстный профессоръ. Исходя изъ того, что 1) проповѣдь реакціонныхъ идей профессоромъ оказываетъ деморализующее вліяніе на студенчество, 2) защита завѣдомо грязныхъ дѣлъ не совмѣстима съ званіемъ профессора, 3) профессору, недобросовѣстно относящемуся къ своему дѣлу, не должно быть мѣста въ университетѣ,—судебная комиссія постановила *не допускать г. В. въ Московскій университетъ*...

Приведенные факты характеризуютъ до извѣстной степени дѣятельность судебной комиссіи. Интересно отмѣтить отношеніе самихъ студентовъ, такъ сказать студенческой массы, къ задачамъ комиссіи. Отвѣтъ на это даетъ намъ заключеніе отчета о дѣятельности судебной комиссіи за 1893—94 г., представленнаго на усмотрѣніе земляческихъ собраній. 1893—94 г., какъ мы знаемъ, былъ вторымъ годомъ дѣятельности судебной комиссіи; такимъ образомъ приводимыя ниже слова относятся къ самому началу, когда идея товарищескаго суда еще не окрѣпла въ достаточной мѣрѣ въ студенческой средѣ.

„Подводя итоги своей дѣятельности судебная комиссія съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ можетъ констатировать, что внутреннія и внѣшнія условія ея дѣятельности нѣсколько улучшаются и что нравственный авторитетъ товарищескаго суда замѣтно поднимается. Но безъ сомнѣнія нужно еще много усилій, и не мало времени пройдетъ, пока къ голосу суда союза будутъ прислушиваться не только союзъ и студенчество, но и общество, поскольку оно интересуется жизнью университета. Въ настоящее время не только общество почти безразлично

относится къ судебной комиссіи, но и среди студентовъ можно подчасъ встрѣтить мнѣніе, что инспекторскій судъ лучше товарищескаго или что судебная комиссія суется не въ свои дѣла, поднимая вопросъ о безобразіяхъ студентовъ въ публичныхъ мѣстахъ, о преступленіяхъ противъ женской чести и т. п. Даже въ средѣ союза идея товарищескаго суда и нравственной его компетенціи не получила безусловно права гражданства, что видно изъ того, что нѣкоторые члены союза совершенно игнорировали приговоры судебной комиссіи, изъ оскорбительнаго отношенія нѣкоторыхъ обвиненныхъ и даже изъ того необъяснимаго упорства, съ которымъ союзный совѣтъ отказывался дать какія-либо разъясненія по дѣлу о столкновеніи съ саратовскимъ землячествомъ (онъ далъ разъясненія только по требованію большинства землячествъ). Все-таки нѣкоторое улучшеніе въ этомъ отношеніи замѣчается, но можно ли заключить изъ этого о повышеніи нравственнаго уровня студенчества?

Конечно, глазъ оптимиста можетъ подмѣтить нѣкоторыя явленія, дающія право толковать объ этомъ, какъ, напримѣръ: оживленіе дѣятельности союза, самое основаніе судебной комиссіи, быстрое увеличеніе числа членовъ союза, основаніе новыхъ землячествъ и кружковъ, тотъ фактъ, что сравнительно многіе дѣятельные члены союза не разрываютъ связей съ нимъ и по окончаніи курса, что недавно еще было поголовнымъ явленіемъ. На этомъ основаніи можно былъ бы говорить, что освѣжающая волна тѣхъ девятидесятниковъ, появленіе которыхъ привѣствовалъ Шелгуновъ, все растетъ и растетъ, что настроеніе провинціальной молодежи и ея идеалы начинаютъ измѣняться подъ вліяніемъ какихъ-то новыхъ условій. Но наряду съ этимъ нельзя не отмѣтить, что нравственный уровень студенчества, говоря сравнительно, крайне низокъ. Пьянство и безобразія въ публичныхъ мѣстахъ составляютъ и теперь, какъ по-

казалъ опытъ судебной комиссіи, весьма частое явленіе среди студентовъ; присвоеніе всего, что плохо лежитъ, такъ же не составляетъ рѣдкости, какъ показываетъ вѣчная кража калошъ и даже книгъ, разныя мошенническія продѣлки и вообще крайне легкомысленное отношеніе къ общественной собственности. Еще сильнѣе развито въ студенчествѣ стремленіе жить на чужой счетъ, ничего не дѣлая, что чаще всего выражается въ захватѣ стипендій и пособій людьми состоятельными; это явленіе наиболѣе рѣзко бросается въ глаза и очень важно по своимъ послѣдствіямъ для массы студенчества. Борьба съ этимъ зломъ сильно затрудняется тѣмъ, что распредѣленіе стипендій и пособій зависитъ всецѣло почти отъ произвола инспекціи, и судебная комиссія не имѣетъ никакой возможности предупредить злоупотребленія. Подобнымъ образомъ и безнравстственная эксплотація безсилія или привязанности женщины, какъ показали отвратительныя картины, раскрывшіяся при разслѣдованіи дѣлъ объ изнасилованіи, среди значительной части студенчества считается лишь молодечествомъ, приличнымъ мужчинѣ. Въ заключеніе можно было бы упомянуть о замѣчаемомъ среди студентовъ непомѣрномъ честолюбіи, небрежности, своекорыстіи, недостаткѣ самоуваженія, довѣрія другъ къ другу и другихъ качествъ, сказывающихся весьма неблагопріятно на дѣятельности студенческихъ организацій и отношеніи студентовъ къ своимъ общественнымъ обязанностямъ.

Имѣя дѣло съ такимъ нравственнымъ уровнемъ студенчества, судебная комиссія поневолѣ должна была понизить предъявляемыя къ студентамъ требованія чуть не до минимума, ограничиваясь преслѣдованіемъ шпіонства, безобразій въ публичныхъ мѣстахъ и преступленій противъ самыхъ элементарныхъ правилъ нравственности. Этимъ же низкимъ уровнемъ общестуденческой нравственности объясняется и нелестное отношеніе общества къ студенчеству, ярко высказавшееся, напримѣръ, во

время шелапутинской исторіи. Уваженіе общества не можетъ быть пріобрѣтено безъ повышенія уровня нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ къ среднему студенчеству. Впрочемъ, отъ многихъ слоевъ общества, даже близко стоящихъ къ университету, какъ показало дѣло Янжула, трудно добиться такого отношенія, такъ какъ эти слои уже перестали интересоваться подобными вопросами. Такіе люди, весьма часто попадающіеся теперь и принадлежавшіе раньше къ болѣе или менѣе передовымъ слоямъ общества, спаслись съ разбитаго реакціонной бурей корабля русской интеллигенціи, уйдя въ норы своихъ спеціальностей отъ живой жизни. Если они и являются добросовѣстными спеціалистами, зато на все остальное они махнули рукой и, оставшись безъ прочныхъ убѣжденій и нравственныхъ идеаловъ, попадаютъ въ очень некрасивыя положенія или прямо погрязаютъ въ житейской тинѣ. Но гораздо вреднѣе для студенчества люди, обращающіе, подобно г. Осипову, науку въ дойную корову или въ орудіе для своихъ честолюбивыхъ плановъ. Такіе господа дѣйствуютъ на студенчество крайне развращающимъ образомъ. Единственное спасеніе отъ такого вліянія — если его нельзя устранить — заключается въ *усиленіи взаимнаго товарищескаго нравственнаго контроля*, вытекающаго изъ сознанія нравственной солидарности и общности интересовъ студенчества и нисколько не могущаго стѣснить личной свободы каждаго, поскольку она не противорѣчитъ нравственности. Пожеланіемъ большаго распространенія нравственной солидарности и общности интересовъ студенчества судебная комиссія и оканчиваетъ свой отчетъ“...

Несомнѣнно, въ сдѣланной судебной комиссіей характеристикѣ студенческой среды слишкомъ сгущены краски. Въ самомъ дѣлѣ, отчетъ судебной комиссіи за 1893—94 г. констатируетъ, что въ отчетномъ году было зарегистрировано 50 случаевъ неправильнаго пользованія стипен-

діями; нельзя же было, конечно, эти пятьдесятъ случаевъ переносить на всю массу студенчества. Но цѣннымъ являются указанія на извѣстную инертность студенческой массы въ періодъ начала дѣятельности студенческихъ организацій. Дѣятельность студенческихъ учрежденій пробуждаетъ общественные инстинкты, и уже въ концѣ 90-хъ годовъ мы встрѣчаемся съ нѣсколько иной характеристикой студенчества, сдѣланной тѣми же центральными организаціями. Объединяя около себя наиболѣе подвижные элементы, отзываясь на всѣ текущія событія, студенческія организаціи получили доминирующее вліяніе въ университетской жизни.

III.

Естественно, что организованная часть студенчества должна была играть доминирующую роль въ направленіи жизни московскаго университета, поскольку она касалась студенческой среды. Это вліяніе должно было сказываться наиболѣе сильно въ тѣхъ случаяхъ, когда затрогивались обще-студенческіе интересы. Здѣсь студентамъ, не входившимъ въ составъ землячествъ или курсовыхъ организацій, невольно приходилось подчиняться авторитету союзнаго совѣта. И послѣдній становился органомъ всего студенчества. Отъ его директивъ часто всецѣло зависѣло такимъ образомъ направленіе студенческихъ движеній въ характеризуемый періодъ.

Мы уже знаемъ, что II студенческій съѣздъ въ категорической формѣ высказался противъ „безпорядковъ“ и рекомендовалъ другія формы борьбы „съ гнетомъ внѣшнихъ условій“. Изъ данныхъ, приведенныхъ въ предшествовавшемъ очеркѣ, уже можно было судить о томъ, насколько послѣдователенъ былъ въ этомъ отношеніи союзный совѣтъ, руководившій дѣятельностью московскихъ организацій. Онъ дѣлалъ, какъ мы видѣли, довольно много для поднятія „умственной и нравственной зрѣлости“ московскаго студенчества. Стремясь одновременно

къ „охраненію порядка“ и на практикѣ, какъ мы увидимъ ниже, дѣйствительно устраняя „всѣ поводы къ безпорядкамъ“, союзный совѣтъ принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы „политика“ отсутствовала въ университетской жизни. Мирнымъ, „легальнымъ“ образомъ дѣйствій имѣли въ виду добиться въ конечномъ результатѣ офиціальнаго признанія студенческихъ организацій. Быть можетъ, и наивно было мечтать такимъ путемъ доказать правительственнымъ органамъ, вѣдающимъ народное просвѣщеніе, пользу автономіи, но такой способъ борьбы былъ уже выбранъ и его старались провести въ жизнь...

Правительственная власть, конечно, съ подозрѣніемъ смотрѣла на „крамольныя“ организаціи и при каждомъ удобномъ случаѣ старалась показать обществу, что студенческія учрежденія носятъ по существу политическій характеръ, и подчеркнуть связь ихъ съ различными революціонными организаціями. Во всѣхъ правительственныхъ сообщеніяхъ эта мысль проводится красною нитью. И союзному совѣту приходится безпрестанно отписываться. „Политика“ становится какимъ-то пугаломъ, отъ котораго союзный совѣтъ всячески открещивается.

Чуть ли не каждая прокламація союзнаго совѣта 90-хъ годовъ начинается такимъ заявленіемъ (напримѣръ, извѣстный отвѣтъ 14 декабря 1896 г. на правительственное сообщеніе 6 декабря того же года о студенческихъ безпорядкахъ): „противъ насъ стараются возстановить общество и народъ, третируя насъ, какъ профессіональныхъ бунтовщиковъ, и воздѣйствуя въ этомъ направленіи на общество различнаго рода словесными и печатными сообщеніями, а на народъ — всевозможными нелѣпыми слухами. Въ „сообщеніи“ все разсчитано на эффектъ слова „политическій“. Политической партіей съ опредѣленной политической программой союзный совѣтъ никогда не былъ и быть не можетъ по разнородности состава землячествъ, выразителями мнѣній которыхъ онъ слу-

житъ, и по частой смѣняемости своихъ членовъ, такъ и по внѣшнимъ условіямъ своей дѣятельности. Отношенія союзнаго совѣта къ политическимъ партіямъ до сихъ поръ ограничивались лишь тѣмъ, что онъ служилъ для членовъ союза посредникомъ въ дѣлѣ оказанія матеріальной помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ; но если предоставляется полный просторъ благотворительности, направленной на облегченіе участи обыкновенныхъ преступниковъ, то тѣмъ болѣе мы считаемъ себя въ правѣ помогать людямъ, которые пострадали за идеалистическія стремленія и въ положеніе которыхъ мы всегда можемъ быть поставлены, благодаря рвенію политической полиціи. Только рвеніе этой полиціи и невозможность для насъ легальнаго образа дѣйствій могутъ придавать нашей дѣятельности политическую окраску. Пусть примутъ это во вниманіе всѣ, кому дѣйствительно „дороги интересы учащагося юношества“.

Одинъ характерный документъ, приводимый ниже, показываетъ, что заявленія союзнаго совѣта объ устраненіи „политики“ въ университетской жизни не были голыми фразами. Документъ этотъ относится къ тѣмъ же 90-мъ годамъ. Въ немъ организація польской молодежи въ Московскомъ университетѣ опредѣляетъ свое отношеніе къ союзному совѣту.

„Мы первые изъ организаціи польской молодежи, — гласитъ указанное сообщеніе, — вступили въ тѣсное организаціонное общеніе съ организаціями русской университетской молодежи. Руководились мы такими соображеніями: мы не должны держаться въ сторонѣ, напротивъ, должны знакомиться съ русской молодежью и въ сношеніяхъ съ нею повліять на желательную перемѣну взглядовъ ея по отношенію къ нашему вопросу, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвергнуться и вліянію съ ея стороны, — вліянію, конечно, въ духѣ просвѣщенномъ и прогрессивномъ. Почвою для сближенія должны были послужить общіе намъ всѣмъ университетскіе интересы. Такъ обстояло

дѣло, когда наша организація присоединилась къ союзу землячествъ. Что дали эти нѣсколько лѣтъ? Нѣкоторое сближеніе, конечно, произошло, но, большею частью, частнымъ путемъ; но въ дѣйствительности организація наша въ союзномъ совѣтѣ признается такимъ же землячествомъ, какъ другія землячества; старались ее называть даже варшавскимъ землячествомъ, и только категорическія заявленія съ нашей стороны упрочили за нами названіе, все-таки не отвѣчающее характеру нашей организаціи, — польскаго землячества. Вообще все, что вводилось новаго въ наши отношенія къ союзу землячествъ, это были уступки, вслѣдствіе нашихъ заявленій, по частнымъ вопросамъ, молчаливое согласіе съ вашей стороны, но не открытое признаніе такого исключительнаго положенія. Особенно это стало ясно послѣ того, какъ союзъ совѣта *вычеркнулъ изъ своей программы всякую политику.* Вы спросите однако, какое же это ваше исключительное положеніе. Первый и важнѣйшій пунктъ, который заставилъ насъ напомнить союзному совѣту объ исключительности нашего положенія, это именно воззрѣніе союзнаго совѣта на участіе университетской молодежи въ политической жизни народа. Наше „Коло“ есть организація съ ясно выраженными общественно-политическими стремленіями; союзъ землячествъ—организація, лишенная опредѣленныхъ взглядовъ на эти вопросы и, по крайней мѣрѣ не сознающая потребности опредѣленно сформировать свои воззрѣнія въ этомъ отношеніи. Наше „Коло“, имѣя опредѣленныя стремленія, должно было принять и опредѣленную программу дѣйствій. Союзъ землячествъ, не имѣя политическихъ стремленій, не имѣетъ ни программы дѣйствій въ этомъ направленіи, ни опредѣленнаго взгляда на дѣятельность организацій, принявшихъ извѣстную программу...“ Въ заключеніе „Коло“ заявляетъ, что оно можетъ дѣйствовать вполнѣ солидарно съ союзомъ землячествъ только въ дѣлахъ студенческихъ, а во всѣхъ случахъ, когда затрогиваются такъ или иначе политиче-

скіе вопросы, оставляетъ за собой право дѣйствовать самостоятельно.

Къ такого же рода документамъ, какъ выше процитированный, относится и отвѣтъ „нѣсколькихъ лицъ, участвующихъ въ студенческой организаціи“, на воззваніе „комитета рабочаго союза“; въ немъ отмѣчается культурное значеніе студенческихъ организацій и значеніе ихъ какъ учрежденій, способствующихъ подготовкѣ будущихъ общественныхъ работниковъ. „Вы упрекаете насъ въ томъ, что мы замкнулись въ узкій кругъ интересовъ“ и задачей своей поставили „безцѣльное объединеніе студенчества“. Дѣйствительно, студенчество стремится къ объединенію, но неужели дѣлаетъ это лишь ради собственнаго удовольствія или для достиженія какихъ-либо ничтожныхъ облегченій того гнета, который виситъ надъ нимъ? Нѣтъ, цѣль студенческаго союза гораздо шире. Онъ является нравственной школой, подготовляющей ту интеллигенцію, которая намъ нужна для массы; онъ готовитъ тѣхъ политическихъ борцовъ, которые могли бы самостоятельно бороться за свободу. Въ студенчествѣ находится много лицъ, такъ сказать, нейтральныхъ, изъ которыхъ могутъ выработаться или буржуа — прожигатели жизни, или интеллигентъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, смотря по тому, въ какую среду и подъ чье вліяніе они попадутъ; среди студентовъ есть много стремящихся ко всему хорошему, но не знающихъ правильнаго пути. Кто укажетъ имъ его и кто выработаетъ изъ нихъ интеллигентовъ, способныхъ самоотверженно обращать свои познанія въ пользу массы и руководить ею въ борьбѣ за свободу? Неужели то стадо разжирѣвшихъ людей, которое растлѣваетъ съ каѳедры нашу молодежь? Нѣтъ, это можетъ сдѣлать лишь единеніе студенчества, главная цѣль котораго, повторяемъ, выработка здравыхъ убѣжденій. Правда, нѣтъ ничего общаго между студентомъ-буржуа и студентомъ-соціалистомъ, но вѣдь одна изъ главныхъ задачъ студенческой организаціи увеличить послѣдній

классъ на счетъ перваго. Такимъ образомъ союзъ нашъ, подготовляя честныхъ борцовъ за свободу, не противодѣйствуетъ, а помогаетъ борьбѣ рабочаго класса противъ ненавистныхъ, какъ ему, такъ и намъ буржуазіи и капитализма".

Конечно, такого рода политическіе элементы, какъ подготовка сознательныхъ силъ, заключались во всякой культурной работѣ въ странѣ, изнывавшей подъ гнетомъ бюрократіи.

Исключивъ de jure изъ программы своихъ дѣйствій политическіе вопросы, союзъ землячествъ de facto, „иногда, быть можетъ, противъ собственной воли", какъ отмѣчаетъ процитированное выше заявленіе польской студенческой организаціи, принужденъ былъ затрогивать политическіе и общественные вопросы. Борьба за академическую свободу при существовавшемъ полицейскомъ режимѣ невольно являлась актомъ политической борьбы. Вмѣшательство администраціи въ университетскія дѣла, полицейскія репрессіи — все это содѣйствовало обостренію и такъ уже ненормальнаго положенія учащейся молодежи въ университетахъ. Естественно, что на этой почвѣ возникали волненія и протесты.

Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ студенческіе безпорядки были почти единственной формой коллективнаго протеста: русское общество сочувствовало имъ, видя въ нихъ ярко выраженный протестъ противъ угнетающаго режима. Но мы уже знаемъ, что II студенческій съѣздъ высказался противъ безпорядковъ, признавъ такую форму протеста недостигающею цѣли. Однако безпорядки вѣдь возникали не по произволу какой-либо партіи, — они вызывались самою жизнью, различными правительственными мѣропріятіями. Часто массовыя движенія возникали безъ подготовки и являлись отзвукомъ текущаго момента. Союзному совѣту, стоящему во главѣ организованнаго студенчества, приходилось руководить возникшимъ движеніемъ, придать ему форму закономѣрности и не до-

пускать вылиться изъ русла академической жизни. Нерѣдко такая задача въ тотъ моментъ, когда страсти разгораются, — неизбѣжное явленіе въ каждомъ массовомъ движеніи, — была чрезвычайно затруднительна. Приходилось вѣдь дѣйствовать на двѣ стороны — учитывая настроеніе студенчества, бороться съ мѣрами учебнаго и полицейскаго начальства, какъ извѣстно, не отличающимися въ такіе моменты большою тактичностью.

Въ прокламаціи союзнаго совѣта 43 землячествъ, выпущенной 5 января 1895 г., опредѣленно говорится, что студенческая организація „ставитъ своею задачею бороться противъ безпорядковъ". „Когда поведеніе профессора или администраціи грозитъ спокойствію университета, организація выясняетъ этимъ лицамъ весь вредъ ихъ поведенія и такимъ образомъ нерѣдко предупреждаетъ печальныя событія. Если спокойствіе уже нарушено, организація прибѣгаетъ къ помощи тѣхъ, которые могутъ уладить дѣло и дать ему мирный исходъ. Въ то же время, выясняя свое отношеніе къ поведенію лицъ, вредныхъ для университета, организація старается не допускать студентовъ до бурныхъ и рѣзкихъ проявленій своего чувства". Вспоминая описанные уже инциденты съ проф. Янжуломъ и Владиміровымъ, мы дѣйствительно можемъ констатировать, что въ данномъ случаѣ удалось избѣгнуть острыхъ волненій (разъ недовольство приняло бы стихійное направленіе) благодаря исключительно лишь соединеннымъ усиліямъ студенческихъ органовъ.

Союзъ землячествъ имѣлъ полное право заявлять, что подобная организація „необходима для сохраненія мирныхъ отношеній между студентами, съ одной стороны, профессорами и администраціей — съ другой". Благодаря именно ему „уже почти 5 лѣтъ, т.-е. съ того времени, какъ окончательно сложилась организація, — пишетъ союзный совѣтъ 5 нваря 1895 г., — въ Московскомъ университетѣ не было безпорядковъ"... „При существо-

ваніи организаціи безпорядки возможны въ университетѣ только тогда, когда нападенія, сдѣланныя извнѣ, разобьютъ организацію, помѣшаютъ ей правильно функціонировать, обратятъ ее въ нестройную толпу, которая, конечно, и будетъ проявлять себя насиліями и бурными вспышками". „Къ сожалѣнію, — отмѣчается въ той же прокламаціи, — въ этой мирной работѣ союзъ землячествъ всегда встрѣчаетъ помѣху со стороны администраціи, которая мѣшаетъ ему развить свою дѣятельность до того, чтобы предупредить даже незначительныя нападенія на мирную жизнь университета".

Трудное положеніе союзнаго совѣта въ моментъ, когда прерывалось нормальное теченіе университетской жизни, чрезвычайно наглядно выступаетъ въ крупныхъ студенческихъ безпорядкахъ, разыгравшихся въ 1894 и 1896 гг. въ Московскомъ университетѣ.

Мы и остановимся на нихъ для характеристики участія союзнаго совѣта въ „политическихъ" движеніяхъ.

Мы уже знаемъ, что за четыре года (съ 1890 г.) въ Московскомъ университетѣ не было безпорядковъ. Союзный совѣтъ могъ констатировать, что университетская жизнь приняла новое направленіе. Организованная часть студенчества всѣми силами старалась улаживать мирнымъ путемъ недоразумѣнія и „отстаивать права студенчества, не прибѣгая къ насильственнымъ дѣйствіямъ". Но всегда дамокловымъ мечомъ висѣлъ надъ студенчествомъ уставъ 84-го года. Студенчество не могло примириться съ условіями, созданными этимъ уставомъ. Всѣ стремленія были направлены къ тому, чтобы тѣмъ или другимъ путемъ добиться его измѣненія.

Понятно, что для этой цѣли старались использовать всякій подходящій моментъ. Новое царствованіе „наводило на мысль о возможности перемѣнъ въ разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія и въ частности давно назрѣвшей потребности въ замѣнѣ дѣйствующаго университетскаго устава новымъ, который далъ бы болѣе

простора какъ научному, такъ и общественному развитію учащейся молодежи". *(Сообщеніе союзнаго совѣта 23 декабря 1894 г.).* Естественно поэтому, что студенты не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ заговорили о необходимости заявить молодому Государю о своихъ нуждахъ. Московской организаціей было рѣшено просить пересмотра дѣйствующаго устава и выразить желаніе, чтобы въ основу будущаго устава легли слѣдующіе принципы: 1) университетское самоуправленіе, 2) свобода преподаванія, 3) свободный доступъ къ высшему образованію всѣхъ, получившихъ среднее, безъ различія національностей, вѣроисповѣданія и пола, 4) уменьшеніе платы и 5) свобода студенческихъ организацій.

При выработкѣ какъ своихъ заявленій, такъ и способа ихъ осуществленія, организація выдвинула два главныхъ положенія: 1) заявленія о студенческихъ нуждахъ должно быть сдѣлано посредствомъ адреса или петиціи на Высочайшее имя, и 2) петиція не должна касаться вопросовъ общегосударственнаго характера, а имѣть въ виду лишь постановку высшаго образованія. Послѣ опроса землячествъ, въ ноябрѣ 1894 г. союзнымъ совѣтомъ была выработана соотвѣтствующая указаннымъ принципамъ петиція на Высочайшее имя, составленная въ „вѣрноподданническомъ духѣ".

Слухи о желаніи студентовъ подать петицію распространились по Москвѣ; по обыкновенію, здѣсь вмѣшалась администрація и тѣмъ осложнила дѣло. Не желая допустить отправки петиціи, полиція удвоила свою бдительность за поведеніемъ студентовъ: всякаго рода вечеринки, самыя невинныя сборища подвергались строжайшимъ преслѣдованіямъ. Петиція была перехвачена, при чемъ пострадало довольно много студентовъ. Вскорѣ на частной квартирѣ полиція „накрыла" 21-го студента, фамиліи которыхъ были переписаны начальникомъ охраннаго отдѣленія Бердяевымъ, явившимся вмѣстѣ съ помощникомъ инспектора студентовъ Смирновымъ. Переписанные были

вызваны къ оберъ-полицмейстеру Власовскому, объявившему, что онъ считаетъ переписанныхъ лицъ членами союзнаго совѣта и что они „по приказу министерства вн. дѣлъ являются отвѣтственными за все, могущее произойти въ университетѣ“. Попечитель гр. Капнистъ, съ своей стороны, вывѣсилъ въ университетскихъ витринахъ объявленіе, наполненное угрозами по адресу „ничтожной кучки агитаторовъ, намѣревающихся нарушить общественный порядокъ и спокойствіе въ эти печально-торжественные дни“. „Совершенно правильно, — замѣчаетъ въ своемъ извѣщеніи союзный совѣтъ, — что объявленіе попечителя уже по своей рѣзкости должно было вызвать реакцію со стороны студентовъ“, и такъ уже озлобленныхъ предшествовавшими дѣйствіями полицейскихъ властей. Союзный совѣтъ, „имѣя нѣкоторыя основанія принять заявленіе попечителя на счетъ организаціи“, 14-го ноября послалъ ему письмо, въ которомъ указывалъ: 1) на нетактичность подобнаго объявленія, 2) на естественность возникновенія организаціи и культурныя цѣли ея, 3) на мирный и спокойный образъ дѣйствій, какъ главный принципъ тактики союза, и 4) на то, что союзъ является вовсе не „ничтожной группой лицъ“.

Союзный совѣтъ за все истекшее время старался по возможности дѣйствовать успокоительно на возбужденное настроеніе большинства студенчества. Но неожиданно эта возбужденность прорвалась и 30-го ноября вылилась въ бурную демонстрацію на лекціи проф. Ключевскаго. Союзный совѣтъ тутъ же призналъ „нетактичной“ шумную форму протеста на лекціи профессора и констатировалъ, что „демонстрація совершенно не зависѣла отъ организаціи“ и что союзный совѣтъ „не успѣлъ принять никакихъ мѣръ для ея предотвращенія, а неорганизованныя усилія отдѣльныхъ членовъ оказались недостаточными“. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ!

„На слѣдующій же день (1 дек.) въ витринахъ появилось объявленіе ректора, запрещающее студентамъ по-

сѣщать тѣ лекціи, на которыя они не записывались, чѣмъ студенты лишались возможности слушать нѣкоторые важные и интересные предметы въ общеобразовательномъ отношеніи; такое требованіе противорѣчило, сверхъ того, кореннымъ традиціямъ Московскаго университета". (Беремъ описаніе событій въ данномъ случаѣ въ томъ видѣ, какъ оно помѣщено въ сообщеніяхъ союзнаго совѣта.) „Въ этотъ же день происходилъ судъ надъ демонстрантами. Правленіе руководилось исключительно показаніями педелей и субъ-инспекторовъ, переписавшихъ, по словамъ одного изъ послѣднихъ, тѣхъ, кто не имѣлъ права быть на лекціи; свидѣтелей со стороны студентовъ не было, но были приняты къ свѣдѣнію указанія полиціи и прошлое судимыхъ... Въ ожиданіи приговора въ зданіи правленія собралась толпа студентовъ человѣкъ въ 70—80, шумно требовавшая прочтенія приговора, что исполнено не было. Когда толпа стала расходиться, нѣкоторые предлагали устроить на слѣдующій день „сходку". Въ тотъ же вечеръ попечитель, по его собственнымъ словамъ, заранѣе приготовилъ полицію.

Союзный совѣтъ на своемъ засѣданіи констатировалъ какъ возбужденное настроеніе студентовъ, такъ и ошибочность приговора суда правленія, не захотѣвшаго имѣть тѣхъ данныхъ, которыя могли бы представить свидѣтели изъ студентовъ, и приговорившаго къ увольненію трехъ лицъ, мало или вовсе непринимавшихъ участія въ демонстраціи. На этомъ *собраніи было рѣшено добиться пересмотра дѣла, не пользуясь никакими бурными манифестаціями;* было постановлено обратиться непосредственно къ членамъ правленія и гр. Каннисту съ просьбой пересмотрѣть дѣло, а къ профессорамъ — съ просьбой указать на несправедливость и необоснованность увольненія трехъ студентовъ. Послѣднее мотивировалось тѣмъ, что 1) показанія свидѣтелей изъ чиновъ инспекціи, несомнѣнно, страдаютъ односторонностью; 2) студентъ гр. Мамуна не только не принималъ участія въ демонстраціи, но даже

успокоивалъ присутствующихъ, а между тѣмъ онъ уволенъ; 3) нравственное чувство студентовъ оскорблено неравномѣрностью и случайностью взысканія. Такъ студентъ юристъ 3-го курса, оскорбившій товарищей словами: „подлецы тѣ, кто свищетъ!“ оставленъ безъ наказанія; за аналогичную же выходку Зобкинъ, крикнувшій: „подлецы хлопальщики!“ уволенъ изъ университета. Трудно такъ же предположить, что третій уволенный, Осиповичъ, только что поступившій въ университетъ, могъ быть такимъ зачинщикомъ, какимъ сочло его правленіе.

„Когда на слѣдующій день (2 дек.) повсюду въ университетѣ стало извѣстно постановленіе правленія, то вездѣ — въ аудиторіяхъ, залахъ, лабораторіяхъ, клиникахъ — началось то неопредѣленное *стихійное* броженіе, которое является признакомъ возбужденія толпы, но, *благодаря усиліямъ организованной части студенчества, знавшей постановленіе союзнаго совѣта, удалось удержать студентовъ отъ бурныхъ проявленій своего чувства;* почти отъ всѣхъ курсовъ были отправлены къ членамъ правленія и профессорамъ депутаціи съ просьбой пересмотрѣть дѣло...

„Графъ Капнистъ съ самаго утра 2-го декабря былъ въ университетѣ. Когда часовъ въ 11 пронесся по аудиторіямъ слухъ, что попечитель будетъ говорить рѣчь въ актовомъ залѣ, туда поспѣшили студенты и переполнили коридоръ и лѣстницу, такъ какъ актовый залъ былъ занятъ проф. Боголѣповымъ. Графъ Капнистъ настолько непопуляренъ среди студентовъ, что не успѣлъ онъ показаться, какъ раздались свистки... Нельзя не замѣтить, что гр. Капнистъ, прекрасно знающій тѣ чувства, которыя питаетъ къ нему студенчество, и не разъ получавшій доказательства этого, поступилъ необдуманно, появляясь среди нихъ въ такое время. Въ актовомъ залѣ шла лекція; нѣсколько студентовъ въ калошахъ и пальто вбѣжали туда и крикнули: „прекратить лекцію!“, но достаточно было нѣсколько словъ со стороны проф. Боголѣпова, чтобы успокоить ихъ.

Въ это время выбранныя отъ курсовъ депутаціи одна за другой являлись къ членамъ правленія и излагали имъ свои просьбы, говоря, что въ противномъ случаѣ могутъ произойти безпорядки, болѣе всего нежелательные для самихъ же студентовъ. Всѣ депутаціи получали рѣшительный отказъ и шли въ химическую лабораторію, гдѣ было рѣшено снова итти къ попечителю; но послѣдній опять во всемъ категорически отказалъ. Члены правленія въ общемъ отвѣчали такъ: инспекторъ сказалъ, что представленные ему факты — для него новость, и поэтому онъ считаетъ возможнымъ довести ихъ до свѣдѣнія правленія; что онъ лично ничего не имѣетъ противъ пересмотра, но не знаетъ, какъ отнесется къ этому правленіе in corpore; ректоръ заявилъ, что никакой судъ не можетъ измѣнить своего рѣшенія подъ постороннимъ давленіемъ; что пересмотръ дѣла не въ его компетенціи и не въ компетенціи попечителя; попечитель говорилъ, что въ правленіи „засѣдаютъ люди съ умомъ и сердцемъ“, что приговоръ даже мягокъ *(подкладка всего) политическая,* что противъ гр. Мамуны не было прямыхъ уликъ, но его осудили, принявъ въ расчетъ указанія полиціи; что онъ не можетъ не передать уволенныхъ въ руки внѣшней администраціи, въ заключеніе онъ объявилъ, что если онъ найдетъ нужнымъ уволить 200—300 студентовъ, то сдѣлаетъ и это; если же нужно будетъ уволить 4000, то закроетъ университетъ...

Затѣмъ онъ ушелъ и попросилъ уйти и ректора, говоря, что въ химической лабораторіи „шумная сходка“, которую надо усмирить, и по телефону вызвалъ въ университетъ полицію.

Въ это время въ химической лабораторіи происходило то же самое, что и въ другихъ зданіяхъ университета. Естественно, что при разговорѣ о настоящихъ событіяхъ въ толпѣ поднимались и рѣзкіе возгласы по адресу правленія и предложенія устроить безпорядки, но *благодаря усиліямъ членовъ союза* студенты ждали сравни-

тельно тихо и спокойно, но твердо рѣшили дождаться результатовъ депутаціи, и потому, несмотря на требованія субъ-инспектора Рѣсницкаго, принесшаго отъ ректора записку съ приказаніемъ разойтись, пока не расходились, субъ-инспектора просили удалиться, такъ какъ его присутствіе раздражаетъ ихъ. Когда, наконецъ, стали извѣстны результаты депутаціи, то послышались голоса: „теперь, господа, нечего дѣлать; надо расходиться“. Подъ вліяніемъ словъ самихъ же депутатовъ и проходившаго мимо проф. Зѣлинскаго часть студентовъ пошла въ свои аудиторіи, часть же по домамъ...

Но только успѣли они приблизиться къ выходамъ изъ университетскаго сада, какъ вдругъ во всѣхъ воротахъ появились взводы полицейскихъ. Студенты были такъ ошеломлены этимъ, что сначала бросились даже бѣжать, но потомъ, увидѣвъ себя окруженными, собрались во дворѣ въ кучку и стали такимъ образомъ лицомъ къ лицу съ полиціей, выстроившейся передъ лабораторіей. Черезъ нѣсколько минутъ во дворъ въѣхалъ отрядъ конныхъ жандармовъ съ полковникомъ Власовскимъ во главѣ. Изъ членовъ полиціи особенно выдѣлялся приставъ Ермоловъ, который ругался и грубо отвѣчалъ студентамъ. Одному студенту П., входившему въ лабораторію, онъ крикнулъ: „прочь, дуракъ!...“ Студенты были такъ мирно настроены, что не оказали никакого активнаго противодѣйствія болѣе чѣмъ нетактичнымъ выходкамъ со стороны г. Ермолова и при первой возможности стали опять расходиться. Послѣдніе 20 человѣкъ, по приказанію Власовскаго, были задержаны въ коридорѣ подъ старымъ зданіемъ и переписаны. Въ это число попали, какъ оказалось, нѣсколько лицъ, выходившихъ съ лекціи Мензбира и Тимирязева, аудиторіи которыхъ помѣщались во дворѣ. Приставъ Ермоловъ хотѣлъ задержать трехъ непохожихъ другъ на друга студентовъ, обвиняя каждаго изъ нихъ въ томъ, что онъ разсмѣялся въ лицо Власовскому. Затѣмъ полиція во-

рвалась въ химическую лабораторію съ требованіемъ удалить оттуда всѣхъ студентовъ и, несмотря на протестъ директора лабораторіи проф. Зѣлинскаго, начала переписывать находившихся тамъ не только студентовъ, но даже и лаборантовъ. Студентъ Т., ссылаясь на позволеніе профессора работать, не хотѣлъ уйти изъ лабораторіи, за что Ермоловъ велѣлъ двумъ околоточнымъ одѣть его и вывести.

Послѣ этого студенты должны были, записавъ свои фамиліи, удалиться изъ лабораторіи... Еще долго, по уходѣ студентовъ, полиція обыскивала всю лабораторію... Во время описываемыхъ происшествій движеніе на прилегающихъ улицахъ было остановлено; на Никитской были задержаны даже конки. На каждомъ шагу стояли жандармы и полицейскіе, разгонявшіе студентовъ, которые дѣйствительно неохотно уходили изъ университета, когда узнали, что тамъ задержано 20 человѣкъ. До самаго вечера университетъ былъ въ осадномъ положеніи; у манежа стоялъ отрядъ жандармовъ; въ университетскомъ саду расхаживала полиція, никого не пропускавшая во дворъ...“

Мы нарочно такъ подробно остановились на описаніи обстановки, въ которой протекала университетская жизнь въ эти „бурные“ дни, такъ какъ эта обстановка даетъ лучшее представленіе о характерѣ студенческихъ безпорядковъ, о задачахъ организованной части студенчества, о мѣропріятіяхъ университетской администраціи и городскихъ полицейскихъ властей. Тслько по совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ можно безпристрастно оцѣнить роль, которую пришлось играть союзному совѣту. Переходимъ однако къ дальнѣйшему изложенію событій.

Второго же декабря было созвано экстренное собраніе союзнаго совѣта, постановившее: „1) выжидать результатовъ переговоровъ съ профессорами, 2) не допускать на слѣдующій день сходки и 3) ходатайствовать передъ

представителями высшей власти о пересмотрѣ всего дѣла, такъ какъ произволъ попечителя и полиціи слишкомъ очевиденъ, чтобы остаться безъ вниманія". На этомъ же собраніи было рѣшено выпустить письмо отъ 3 декабря слѣдующаго содержанія.

Упомянувъ о томъ, какъ спокойно текла академическая жизнь въ университетѣ подъ вліяніемъ усилій со стороны студенческихъ организацій, письмо говоритъ: „Въ настоящее время, когда полиція и охранное отдѣленіе открыто стараются вызвать безпорядки, когда почва для нихъ подготовлена событіями, отъ студентовъ не зависѣвшими, студенческая организація готова всѣми возможными средствами *устранять столкновенія*. Она убѣждаетъ студентовъ сохранять самообладаніе, чтобы не дать возможности полиціи связать руки студенчеству и представить его въ глазахъ общества и правительства толпой легкомысленныхъ смутьяновъ. Организація обращается къ профессорамъ и представителямъ университетской власти, ко всѣмъ тѣмъ, которые такъ часто заявляли, что имъ дорогъ университетъ, что имъ дорого мирное развитіе и преуспѣяніе университтской жизни, къ тѣмъ, кто убѣждалъ студентовъ быть покойными и сдержанными. *Еще можно остановить безпорядки*. Отъ ректора университета и попечителя зависитъ удалить полицію, профессора могутъ способствовать тому, чтобы правленіе пересмотрѣло свой несправедливый приговоръ. *Объщая противодѣйствовать* безпорядкамъ и приглашая универсситетскія власти устранить условія, могущія ихъ вызвать, организація обращается къ обществу и проситъ его быть судьей. Организованная часть студенчества противъ безпорядковъ, и если они состоялись, вина должна пасть не на студентовъ"...

Въ университетѣ начались среди студентовъ аресты. Союзный совѣтъ получалъ свѣдѣнія о высылкѣ административнымъ путемъ изъ Москвы безъ права въѣзда въ теченіе трехъ лѣтъ во всѣ университетскіе и нѣко-

торые губернскіе города. 4-го декабря былъ судъ правленія. Приговоръ былъ чрезвычайно мягкій; очевидно, здѣсь студенческій протестъ оказалъ извѣстное вліяніе. Изъ привлеченныхъ къ суду 112 человѣкъ осуждено было 12, при чемъ высшей мѣрой наказанія было 7-дневное карцерное заключеніе.

Одновременно съ правленіемъ засѣдалъ и союзный совѣтъ. Тамъ было выяснено, „что дѣйствія гр. Капниста, пригласившаго въ университетъ полицію, а также грубое поведеніе и произволъ послѣдней ничѣмъ не были вызваны со стороны студентовъ, только просившихъ о пересмотрѣ дѣла демонстрантовъ, и что аресты 4-го декабря были произведены безъ достаточныхъ основаній“. Въ виду этого союзный совѣтъ постановилъ: „обратиться къ представителямъ высшей власти съ ходатайствомъ о разслѣдованіи дѣйствій полиціи и университетской администраціи“...

Для предупрежденія могущихъ произойти безпорядковъ союзнымъ совѣтомъ было выпущено 5-го декабря второе письмо, въ которомъ онъ просилъ студентовъ воздержаться отъ всякаго рода демонстрацій, такъ какъ это помѣшаетъ мирному разрѣшенію инцидента. Черезъ нѣсколько дней, именно 11-го декабря, союзный совѣтъ дѣлаетъ еще „нѣкоторыя разъясненія“ по поводу послѣдняго письма, котораго въ цѣломъ видѣ, къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи не имѣется. Въ этомъ письмѣ „было сказано, — пишетъ союзный совѣтъ, — что если мирныя средства не приведутъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, то союзный совѣтъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Письмо оканчивается просьбой союзнаго совѣта къ студентамъ не разъѣзжаться хоть до 15-го декабря. Изъ этого многіе сдѣлали выводъ, что союзный совѣтъ, положивъ крайній срокъ, къ которому всѣ требованія студентовъ должны быть удовлетворены, — 15-е декабря, намѣренъ по истеченіи этого срока устроить какія-нибудь демонстраціи. Это невѣрно.

Союзный совѣтъ хорошо знаетъ, что до 15-го декабря осужденные ни въ коемъ случаѣ не могли бы быть возвращены даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Къ данному сроку, по мнѣнію союзнаго совѣта, должно было выясниться отношеніе къ дѣлу профессоровъ, общества и высшихъ властей, и только въ томъ случаѣ, если бы къ этому времени выяснилось, что намъ нельзя ожидать чего бы то ни было и откуда бы то ни было, союзному совѣту пришлось бы прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ намѣренъ это дѣло довести до конца. Въ настоящее время дѣла приняли такой оборотъ (извѣстно, что 42 профессора ходатайствовали передъ московскимъ генералъ-губернаторомъ о возвращеніи высланныхъ студентовъ), что скоро могутъ выясниться результаты мѣръ, предпринятыхъ какъ профессорами, такъ и союзнымъ совѣтомъ, и студенты только *спокойнымъ* отношеніемъ къ ходу дѣлъ могутъ содѣйствовать благопріятному ихъ окончанію".

11 января слѣдующаго уже года союзный совѣтъ обращается къ студенчеству какъ бы съ отчетомъ о результатахъ предпринятыхъ имъ ходатайствъ. „Союзный совѣтъ обращался къ лицамъ различнаго общественнаго положенія, прося ихъ помочь студентамъ довести до свѣденія Государя истинное положеніе дѣла и истинную окраску событій. При этомъ имъ строго объективно сообщались всѣ факты и указывалось на то, что студенты болѣе чѣмъ кто-либо не желаютъ волненій, но они поставлены въ такія условія, что приходится бороться не только за попранныя права, но и за то, чтобы ими не пользовались для личныхъ цѣлей тѣ, кому выгодны при теперешнихъ обстоятельствахъ всякія волненія, гдѣ бы они ни происходили. Тѣ лица, къ которымъ обращался союзный совѣтъ и которыя близко стоятъ къ правящимъ сферамъ, въ общемъ отнеслись къ нашему дѣлу довольно сочувственно и сдѣлали все, что, по ихъ мнѣнію, можно было сдѣлать въ данное время. Всѣ они согласны были

въ томъ, что данный инцидентъ кѣмъ-то раздувается изъ личныхъ цѣлей и что студентами пользуются какъ горючимъ матеріаломъ, который легко зажечь и раздуть въ цѣлую бурю; безпорядки же нужны для того, чтобы воспользоваться ими для оправданія своего существованія и доказательства своей правоты. Сторонами, заинтересованными въ этомъ дѣлѣ, являются: по мнѣнію однихъ — охранное отдѣленіе, по мнѣнію другихъ — реакціонные элементы. Волненія, гдѣ бы они ни были и чѣмъ бы ни были вызваны, нужны имъ для того, чтобы, возведя ихъ въ политическую демонстрацію, можно было этимъ воздѣйствовать на молодого Императора. Это нужно имъ всегда, а тѣмъ болѣе теперь, когда появилась масса слуховъ о томъ, что новый Государь намѣренъ уничтожить охрану и заняться коренными реформами. Зная это, лица, къ которымъ обращался союзный совѣтъ, были крайне удивлены тою поспѣшностью и жестокостью, которыя проявило правленіе университета при разборѣ дѣла, и тѣмъ, что университетская администрація нисколько не противится грубому произволу полиціи и тѣмъ даетъ поводъ думать, что она дѣйствуетъ за одно съ послѣдней. Несмотря однако на такое сочувствіе, никто не согласился сдѣлать шагъ къ тому, чтобы истина дошла до Государя. Отказъ этотъ обыкновенно мотивировался тѣмъ, что 1) въ настоящее время нельзя указать ни одного человѣка изъ окружающихъ Государя, который былъ бы болѣе или менѣе близокъ къ нему и черезъ котораго можно было бы дѣйствовать; 2) что Государь теперь такъ занятъ, что неудобно увеличивать ему работу новымъ щекотливымъ дѣломъ; 3) что, рѣшаясь на это, они должны были бы вступать въ очень острыя отношенія съ тѣми, кто не желаетъ возстановленія истины передъ Государемъ.

Въ настоящее время, по иниціативѣ генералъ-губернатора, назначена комиссія для пересмотра дѣла, но не во всей его полнотѣ, а только въ одной части, а именно

для пересмотра основаній ареста и высылки студентовъ. Причиной же этихъ репрессій, по разъясненію администраціи, послужило желаніе студентовъ подать Государю петицію объ измѣненіи дѣйствующаго университетскаго устава. Комиссія эта состоитъ изъ попечителя округа гр. Капниста, прокурора судебной палаты Постникова и управляющаго канцеляріей генералъ-губернатора Истомина"... „Не предрѣшая будущаго,— говоритъ въ заключеніе письмо союзнаго совѣта, — союзный совѣтъ считаетъ нужнымъ заявить, что, по его мнѣнію, имъ было сдѣлано все возможное для того, чтобы возстановить истину и мирно разрѣшить инцидентъ".

Волненія 1894 г. въ общемъ, однако, закончились довольно благополучно, не вызвавъ въ университетской жизни большихъ осложненій. Высланные изъ Москвы послѣ сходки были возвращены, за исключеніемъ лишь 13 студентовъ, которые пали такимъ образомъ „искупительной жертвой".

Роль союзнаго совѣта въ періодъ волненій 1894 г. настолько ярко и опредѣленно выступаетъ въ приведенныхъ выше документахъ, что мы въ данномъ случаѣ можемъ обойтись и безъ комментаріевъ. Для характеристики направленія дѣятельности союзнаго совѣта мы остановимся еще на волненіяхъ 1896 г., въ которыхъ роль союзнаго совѣта выступаетъ такъ же довольно выпукло.

Волненія 1896 г. интересны еще и въ томъ отношеніи, что этотъ годъ можно считать началомъ поворота въ дѣятельности союзнаго совѣта. Относясь первоначально, какъ мы видѣли, совершенно отрицательно ко всякаго рода массовымъ выступленіямъ, союзный совѣтъ въ этотъ періодъ начинаетъ склоняться къ мысли о важности такихъ протестовъ, если они носятъ организованный характеръ. Стоя все еще на почвѣ исключительно лишь академическихъ интересовъ, союзному совѣту въ періодъ волненій 1896 г. пришлось отказаться отъ

мысли огранизованнаго протеста въ виду его неподготовленности и ограничиться прежнею ролью успокоителя студентовъ, волновавшихся подъ вліяніемъ разыгрывавшихся событій въ университетской жизни. 1896 годъ можно считать однако поворотомъ въ направленіи дѣятельности союзнаго совѣта потому, что къ этому времени въ средѣ организованнаго студенчества начинаетъ пропадать прежній страхъ передъ политикой. Политики не только не избѣгаютъ, но часто ее выдвигаютъ на первый планъ. Ставя развитіе академической жизни въ связь съ существовавшимъ политическимъ строемъ, студенты перестаютъ отдѣлять университетскую борьбу отъ общей политической. Въ студенческихъ безпорядкахъ видятъ протестъ противъ современнаго строя. На ряду съ этимъ въ студенчествѣ начинается разслоеніе — на такъ называемыхъ академистовъ и политиковъ. Органомъ послѣднихъ являлся уже не союзный совѣтъ, а исполнительный комитетъ объединенныхъ землячествъ. Въ Московскомъ университетѣ такое раздѣленіе произошло окончательно въ 1901 г. Въ описываемое время этихъ группъ даже еще не намѣчалось.

Чтобы съ большимъ безпристрастіемъ отнестись къ роли союзнаго совѣта въ упомянутыя волненія 1896 г., намъ надо сказать хоть нѣсколько словъ о событіяхъ, предшествовавшихъ этимъ волненіямъ. Будемъ и здѣсь пользоваться преимущественно тѣмъ матеріаломъ, который даютъ документы изъ архива союзнаго совѣта.

Въ правительственномъ сообщеніи 6 декабря 1896 г. опредѣленно говорилось, что союзный совѣтъ, арестованный въ началѣ 1895 г., прекратилъ временно свою дѣятельность и что возродился онъ лишь въ началѣ слѣдующаго года. Указаніе это не отвѣчало дѣйствительности. Въ теченіе всего 1895 г. союзный совѣтъ продолжалъ функціонировать, и, по указанію его членовъ, даже въ прежнемъ составѣ. Занимаясь своей текущей дѣятельностью, направленной къ осуществленію матеріальной

и духовной взаимопомощи среди студентовъ, къ устраненію и выясненію недоразумѣній, происходящихъ между студентами и отдѣльными членами профессорской корпораціи, союзный совѣтъ выпустилъ нѣсколько писемъ: о 12 январѣ, 19 февраля, о проф. Захарьинѣ, по поводу защиты диссертаціи проф. Х., вызвавшей бурный инцидентъ, отвѣтъ глазовскимъ студентамъ и пр.

Въ своей текущей дѣятельности студенческія организаціи, конечно, попрежнему встрѣчали самыя разнообразныя препятствія, которыя ставилъ имъ университетскій уставъ 1884 г. и лица, которымъ въ теченіе многихъ лѣтъ суждено было осуществлять его въ жизни. Какъ нелегальныя, недозволенныя учрежденія, они подвергались самымъ придирчивымъ преслѣдованіемъ. Гоненія эти, естественно, дѣйствовали раздражающимъ образомъ на организованное студенчество, находившееся „подъ постоянною опасностью административнаго возмездія и удаленія изъ университета“.

Чтобы не выходить изъ рамокъ изложенія, ограничимся лишь одной иллюстраціей, именно характеристикой условій, которыми была обставлена жизнь студентовъ, сдѣланной въ одномъ изъ документовъ союзнаго совѣта, относящихся къ 1896 г.: „Мы находимся подъ постоянной опекой полиціи, безъ разрѣшенія которой не можемъ даже на время оставить Москву; охранное отдѣленіе обращаетъ на насъ особое вниманіе, преслѣдуя насъ постоянно арестами и обысками; насъ не стѣсняются сотнями высылать изъ Москвы и исключать изъ университета, какъ было весною и лѣтомъ этого года. Что же мы находимъ въ университетѣ? Вмѣсто объединенныхъ общей идеей интеллигентныхъ работниковъ будущаго, мы встрѣчаемъ тамъ разрозненную и тѣмъ въ значительной степени деморализованную толпу „отдѣльныхъ посѣтителей университета“, среди которой чуть не на каждомъ курсѣ каждаго факультета существуютъ тайные и даже явныя шпіоны; вмѣсто нравственнаго единенія съ профессорами мы нахо-

димъ офиціальныя отношенія съ чиновниками-преподавателями; вмѣсто администраціи, представительствующей за наши духовные и матеріальные интересы, мы имѣемъ дѣло съ толпой полицейскихъ, проникнутыхъ заботами о „предупрежденіи и пресѣченіи“; вмѣсто лучшихъ традицій прошлаго мы слышимъ и читаемъ постоянныя напоминанія о томъ, что мы не имѣемъ никакого права на коллективныя выраженія своихъ мнѣній и желаній и что мы являемся въ университетъ для того, чтобы, прослушавъ установленные курсы своего факультета, получить соотвѣтствующій дипломъ. Не имѣя по большей части въ Москвѣ родныхъ и знакомыхъ, принужденные въ большинствѣ случаевъ тратить массу силъ на добываніе средствъ для жизни и для внесенія непомѣрно высокой платы за слушаніе лекцій, имѣя естественное стремленіе къ самообразованію, мы лишены права организовываться въ какіе бы то ни было товарищескіе кружки, хотя бы для цѣлей саморазвитія и матеріальной взаимопомощи. Въ довершеніе всего насъ третируютъ какъ профессіональныхъ „бунтовщиковъ“... Какой гнетъ можетъ быть тяжелѣе для людей, которые по самой природѣ своихъ занятій научаются цѣнить свободу критической мысли?...“

Въ 1896 г. къ этимъ „тяжелымъ условіямъ“ жизни студентовъ присоединились еще специфическія условія, вызванныя предстоящей коронаціей. Министерство внутреннихъ дѣлъ „заблаговременно позаботилось составить списки лицъ, которыя должны были быть высланы изъ Москвы на время коронаціонныхъ торжествъ, изъ боязни, какъ бы не нарушилось ихъ мирное теченіе“. Въ числѣ 600 высланныхъ въ среднихъ числахъ апрѣля оказалось 92 студента университета. Министерство народнаго просвѣщенія нашло съ своей стороны необходимымъ исключить изъ университета и др. высшихъ учебныхъ заведеній высланныхъ на время коронаціи, „полагая, — по словамъ ректора Некрасова, — что министерство внутреннихъ дѣлъ, высылая студентовъ изъ Москвы за ихъ неблагонадежный

образъ мыслей, имѣло для этого достаточныя основанія". Распоряженіе это послѣдовало лишь 1-го іюля. И большинство за время лѣтнихъ каникулъ не узнало о постигшей ихъ карѣ.

„Ничего не подозрѣвая, студенты, — гласитъ письмо союзнаго совѣта 16 октября 1896 г., — къ августу начали съѣзжаться, главнымъ образомъ медики, кончившіе курсъ, чтобы держать государственный экзаменъ. 28-ми изъ нихъ объявляютъ о лишеніи права держать экзаменъ. Сюрпризъ былъ неожиданный. Начинаются хлопоты: одни хлопочутъ въ Москвѣ, другіе поѣхали въ Петербургъ къ министрамъ. Товарищъ министра народнаго просвѣщенія Аничковъ, какъ оказалось, самъ не зналъ, за что не допустили студентовъ, но потребовалъ изъ канцеляріи бумаги и объявилъ, что не допущены они до экзаменовъ, такъ какъ были въ числѣ высланныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изъ Москвы; и что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ съ такими безнравственными убѣжденіями нельзя быть ни врачомъ, ни юристомъ, и что большая съ ихъ стороны смѣлость просить объ этомъ. Делянова съ трудомъ поймали на одномъ изъ вокзаловъ, но онъ много разговаривать не сталъ, а объявилъ прямо, что безъ огня дыму не бываетъ. Студенты обратились въ министерство внутреннихъ дѣлъ; тамъ имъ сказали, что выслали ихъ просто на время коронаціи и что за ними *ничего* не числится и что министерство внутреннихъ дѣлъ за дѣйствія другого министерства отвѣчать не можетъ. Нѣкоторымъ при этомъ добавили, что поступили бы иначе, если бы могли предвидѣть такой казусъ".

За кончающихъ медиковъ ходатайствовалъ тогда самъ университетъ, прося позволить 24-мъ держать экзаменъ въ текущемъ году, а 4-мъ въ слѣдующемъ (послѣднимъ это было какъ бы въ наказаніе за участіе въ антизахарьинской демонстраціи). Вмѣшался въ дѣло и попечитель Боголѣповъ, „оскорбленный" тѣмъ, что весь инцидентъ разы-

грался безъ его вѣдома; Боголѣповъ заявилъ, что онъ не ручается за спокойствіе университета. Въ виду этого распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія было отмѣнено. Кончающимъ медикамъ было разрѣшено держать государственный экзаменъ въ провинціальныхъ университетахъ. Многіе изъ высланныхъ студентовъ, напримѣръ, за агитацію противъ Захарьина, были приняты въ Москву или переведены въ провинціальные университеты.

Но, конечно, такія позднія уступки не смягчали тяжелой атмосферы университетской жизни. Факты, бывшіе въ теченіе каникулярнаго времени 1896 г., по справедливому замѣчанію союзнаго совѣта, давали возможность заключить, въ какія тяжелыя условія поставлена современная молодежь въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ внѣ, такъ и внутри стѣнъ этихъ учебныхъ заведеній, благодаря все усиливающейся реакціи, и какихъ въ сущности солидарныхъ враговъ имѣетъ она въ лицѣ какъ общей, такъ и университетской администраціи.

Съ началомъ занятій въ новомъ академическомъ году появлялись новыя и новыя осложненія, обострявшія положеніе дѣлъ. „Увеличеніе количества педелей и субъинспекторовъ, предоставленіе университетскому начальству права быть единственнымъ распорядителемъ занятій между студентами, приглашаемыми въ каникулярное время для борьбы съ эпидеміями, филоксерой, для работы по статистикѣ и т. д., насильственное удаленіе проф. Эрисмана... лишеніе армянъ и поляковъ права оставаться ординаторами при университетѣ и пр. — вотъ рядъ фактовъ, завершающихъ цѣпь предыдущихъ. „На основаніи всего вышеизложеннаго союзный совѣтъ 45 объединенныхъ землячествъ, — говорится въ письмѣ отъ 13 октября 1896 г., — считаетъ себя въ правѣ сказать, что учащаяся интеллигенція подверглась за послѣднее время усиленнымъ систематическимъ преслѣдованіямъ и „обузданіямъ“, что она чувствуетъ себя совершенно незастрахованной отъ крайне

цинических проявленій насилія со стороны университетскаго и полицейскаго начальства".

Учитывая настроеніе студенчества, союзный совѣтъ рѣшился на болѣе активныя выступленія. „Видя, что тѣ невыносимыя условія, въ которыя мы поставлены, оказываютъ самое неблагопріятное вліяніе на студентовъ, — гласитъ отвѣтъ союзнаго совѣта отъ 14 декабря 1896 г. на правительственное сообщеніе о студенческихъ безпорядкахъ въ Московскомъ университетѣ, — что недовольство среди послѣднихъ носитъ всеобщій характеръ и готово прорваться во всякое время въ формѣ неорганизованной вспышки, союзный совѣтъ рѣшилъ, что настало время для общестуденческихъ „безпорядковъ", разумѣя подъ ними широкій организованный протестъ". Правительственное сообщеніе указывало, что для волненій не было повода. Союзный совѣтъ въ отвѣтъ говоритъ, что каждый изъ приведенныхъ нами выше фактовъ, какъ „безсмысленная игра судьбою 92 студентовъ", удаленіе проф. Эрисмана, обыски, аресты и пр., могъ бы въ отдѣльности „послужить достаточнымъ основаніемъ для самаго широкаго протеста".

Ближайшимъ поводомъ для волненій явилось назначеніе на каѳедру факультетской терапевтической клиники проф. П. Студенты видѣли „въ этомъ вызовъ, брошенный имъ въ лицо". На медицинскомъ факультетѣ началось шумное недовольство. Поведеніе администраціи обычно подливало масло въ огонь. Ректоръ, узнавъ о поведеніи медиковъ 4-го курса на лекціи проф. П., вызвалъ ординаторовъ послѣдняго и предложилъ имъ шпіонить за студентами. Ординаторъ Ф., возмущенный такимъ предложеніемъ, подалъ въ отставку. Проф. П., къ которому явился инспекторъ съ фотографическими карточками медиковъ 4-го курса и просилъ указать нарушителей порядка, также отказался отъ „роли шпіона за своими слушателями". Броженіе съ медицинскаго факультета перебрасывалось и на другіе — горючаго матеріала было слишкомъ

много, при этомъ и въ другихъ университетахъ происходили волненія, что̀ всегда отзывалось на настроеніи студентовъ.

Союзный совѣтъ, реагируя на настроеніе студентовъ, пустилъ вопросъ о „безпорядкахъ“ по землячествамъ. Въ своемъ какъ бы циркулярномъ обращеніи къ организованному студенчеству союзный совѣтъ, указывая на ближайшіе поводы къ безпорядкамъ, какъ удаленіе проф. Эрисмана, усиленіе университетской полиціи и пр., признавалъ за активнымъ протестомъ „огромное воспитательное значеніе“, — „такой протестъ, съ одной стороны, показываетъ молодымъ силамъ, ежегодно прибывающимъ въ университетъ, что лучшія традиціи университета еще живы, а съ другой — показываетъ напуганному обществу, что никакія полицейскія репрессіи не въ силахъ искоренить идейныя стремленія, служащія залогомъ лучшаго будущаго“.

Голосовавшія землячества отвергли предложеніе о безпорядкахъ. Изъ опрошенныхъ 1200 студентовъ-земляковъ за активный протестъ высказался 51%, противъ него — 37%, не голосовало 12%. Высказавшіеся противъ безпорядковъ мотивировали свой отрицательный вотумъ не отсутствіемъ, конечно, недовольства, а тѣмъ соображеніемъ, что протестъ „долженъ повлечь за собой жертвы и не можетъ дать никакихъ практическихъ результатовъ“. Не имѣя за собой твердаго большинства, союзный совѣтъ рѣшилъ *отказаться отъ всякаго активнаго протеста въ данную минуту*. Въ правительственномъ сообщеніи 1896 года говорилось, что безпорядки не произошли потому, что „значительное большинство студенчества, не входящаго въ составъ объединенныхъ землячествъ, не нашло совмѣстимыми со своими интересами согласиться на возбужденіе безпорядковъ“. Можно подумать, — справедливо замѣчаетъ по этому поводу союзный совѣтъ, — что полиція производила опросъ „студенчества, не входящаго въ составъ объединенныхъ землячествъ“. На самомъ дѣлѣ

обстоятельства, какъ мы видѣли, сложились нѣсколько по-иному. Именно, благодаря отрицательному отношенію организованнаго студенчества къ возбужденію безпорядковъ, послѣдніе были отклонены. Студенты, не входящіе въ составъ землячествъ, вели себя и послѣ постановленія союзнаго совѣта довольно демонстративно; такъ, напримѣръ, на лекціи профессора Попова медиками 4-го курса были устроены шумные протесты... Союзный совѣтъ долженъ былъ еще разъ подтвердить, что къ этимъ протестамъ онъ не имѣетъ никакого отношенія.

Придавая значеніе лишь „широкому и организованному протесту“, союзный совѣтъ отказался отъ мысли устраивать какіе-либо безпорядки. Однако въ скоромъ времени появились новые поводы на горизонтѣ. Броженіе среди студентовъ, являвшееся отзвукомъ предшествующихъ событій и волненій, наблюдаемыхъ въ это время въ другихъ университетахъ, вылилось въ устройствѣ панихиды 18-го ноября на Ваганьковскомъ кладбищѣ, въ полугодовой день смерти погибшихъ на Ходынскомъ полѣ. Мысль о ней, по примѣру панихиды по Чернышевскомъ, бывшей нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, возникла въ одномъ землячествѣ; глухое недовольство, господствовавшее среди студентовъ, дало для ея осуществленія благодарную почву, хотя устройство ея вызвало протестъ значительной части союзнаго совѣта. Панихида состоялась почти безъ всякаго предварительнаго оповѣщенія и организаціи. На панихиду собралось до 600 студентовъ. Демонстрація должна была носить исключительно мирный характеръ. Все протекло бы въ порядкѣ, если бы не неумѣстное вмѣшательство полиціи. Толпа, не допущенная на кладбище, въ полномъ порядкѣ возвратилась къ университету и здѣсь была окружена полиціей. Присутствовавшимъ было предложено итти въ манежъ добровольно, если они не хотятъ, чтобы ихъ повели туда силой. Въ толпѣ были отобраны 36 „руководителей и подстрекателей“, по указанію шпіоковъ, другими словами, по „чисто внѣшнимъ

признакамъ". Арестъ студентовъ вызвалъ еще большее возбужденіе.

Въ университетѣ вспыхнуло волненіе настолько сильное, что союзному совѣту, по его признанію, не оставалось „ничего иного, какъ постараться придать ему, по возможности, осмысленную форму и привлечь къ „безпорядкамъ" возможно большее число студентовъ". Союзнымъ совѣтомъ съ этою цѣлью были выработаны слѣдующія требованія, сообщенныя на сходкахъ университетскому начальству: „1) Высказывая полную солидарность съ участниками Ваганьковской манифестаціи, мы требуемъ освобожденія всѣхъ студентовъ, которые арестованы, и непривлеченія къ отвѣтственности тѣхъ, которые переписаны въ манежѣ и университетѣ; 2) протестуя противъ произвола, практикуемаго по отношенію къ студентамъ со стороны администраціи, мы требуемъ освобожденія всѣхъ студентовъ, арестованныхъ за послѣдніе дни, а также возвращенія въ университетъ всѣхъ пострадавшихъ за студенческіе „безпорядки" въ послѣдніе годы; вмѣстѣ съ тѣмъ мы требуемъ огражденія насъ отъ подобнаго произвола на будущее время; 3) сознавая и живо чувствуя всѣ стѣсненія, созданныя университетскимъ уставомъ 1884 г., мы требуемъ коренного измѣненія его въ духѣ устава 1863 г."

Мы, конечно, не можемъ обсуждать, насколько практичны были требованія, выставленныя союзнымъ совѣтомъ, — онъ и не ожидалъ отъ нихъ какихъ-либо результатовъ. Но, какъ ранѣе указывалось, важно было, по его мнѣнію, лишь высказать громкій протестъ. Это конечно, и было выполнено. Когда среди студенчества замѣтно стало чувствоваться охлажденіе, союзный совѣтъ поспѣшилъ употребить всѣ зависящія отъ него средства, чтобы прекратить волненія. 26-го ноября уже выпущено было объявленіе отъ союзнаго совѣта, предлагающее прекратить протестъ въ виду того, что среди студентовъ осталось слишкомъ мало силъ для „активной борьбы". Въ теченіе всего хода „безпорядковъ", надо отдать справедливость

союзному совѣту, онъ принималъ всѣ мѣры во избѣжаніе какихъ-либо „скандаловъ“, хотя сдѣлать это при всеобщемъ возбужденіи было чрезвычайно трудно. Изъ толпы выхватывались, по обыкновенію, нѣсколько десятковъ „организаторовъ и руководителей“, которые дѣлались козлами отпущенія; полицейскіе чины держали себя вызывающимъ образомъ. Университетская администрація своею безтактностью, въ свою очередь, подливала масло въ огонь и т. д. Тѣмъ не менѣе „безпорядки“, благодаря вмѣшательству союзнаго совѣта, протекли сравнительно спокойно, не вызвавъ крупныхъ инцидентовъ и столкновеній, почти неизбѣжныхъ при другихъ условіяхъ. Въ результатѣ движенія болѣе 200 человѣкъ, даже по официальнымъ даннымъ, было выброшено изъ студенческой среды. 26 человѣкъ, уволенныхъ изъ университета, какъ подстрекатели, подлежали, кромѣ того, еще и административному суду.

Давая отчетъ обществу о послѣднемъ студенческомъ движеніи, союзный совѣтъ въ своей прокламаціи 14 декабря 1896 г. считаетъ долгомъ указать, что эти безпорядки произошли „помимо его воли“, что онъ „поддерживалъ ихъ по необходимости“ и что онъ признаетъ „подобныя неподготовленныя и неорганизованныя волненія безусловно нежелательными“.

Итакъ, участіе союзнаго совѣта въ студенческомъ движеніи 1896 г. выразилось въ стремленіи „воплощать недовольство“ студентовъ „въ формы *сознательнаго* протеста“. Политической окраски, вопреки правительственному сообщенію, студенческіе безпорядки не носили. Равнымъ образомъ и союзный совѣтъ не преслѣдовалъ никакихъ политическихъ цѣлей: „борьба противъ окружающихъ насъ условій, которыя не позволяютъ намъ разумно жить и учиться, дѣлаютъ для насъ невозможнымъ никакое мирное выраженіе своихъ мнѣній и желаній и волей-неволей заставляютъ насъ становиться въ боевое положеніе“ — такъ была формулирована цѣль студенческихъ организацій союзнымъ совѣтомъ въ отвѣтъ на правительственное

сообщеніе по поводу волненій 1896 г. Правительственное сообщеніе пыталось придать студенческому движенію политическую окраску, ссылаясь, между прочимъ, на имѣющіеся въ его распоряженіи „документы“. Такимъ документомъ являлось обращеніе якобы союзнаго совѣта къ студентамъ, приглашающее прійти на помощь костромскимъ стачникамъ. Такого воззванія союзный совѣтъ на самомъ дѣлѣ не выпускалъ. Другимъ уличающимъ документомъ являлась бумажка, выпущенная „революціоннымъ сообществомъ“ — рабочимъ союзомъ. Содержаніе ея мы уже знаемъ: это было обращеніе, рекомендующее студентамъ отказаться отъ организаціи и не тратить силъ на безпорядки для достиженія академической свободы. Извѣстенъ намъ и отвѣтъ на обращеніе „рабочаго союза“ со стороны студенческихъ организацій Московскаго университета. Онъ былъ приведенъ выше.

Обвиненія въ революціонизмѣ вообще возникали по всякому поводу. Яркимъ примѣромъ можетъ служить исторія съ похоронами Плещеева и съ письмомъ къ французскимъ студентамъ. Оба эти факта относятся къ 1896 г. Въ сущности похороны Плещеева въ концѣ сентября 1896 г. явились демонстраціей постольку, поскольку вообще въ тѣ мрачныя времена не терпѣлись проявленія общественной иниціативы. Участіе молодежи на похоронахъ, конечно, было не только естественно, но и прямымъ ея долгомъ. Скончался извѣстный поэтъ, „всю жизнь свою словомъ и дѣломъ проводившій въ жизнь лучшіе идеалы 60-хъ годовъ“. Союзный совѣтъ, устроивъ по курсамъ сборъ денегъ на вѣнокъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы стянуть на похороны скончавшагося общественнаго дѣятеля возможно большее число студентовъ. Несмотря на цѣлый рядъ препятствій (поѣздъ опоздалъ, между прочимъ, на нѣсколько часовъ — очевидно, администрація надѣялась, что публика, собравшаяся на вокзалѣ, соскучившись отъ безконечнаго ожиданія разойдется), на вокзалѣ собралось до 200 студентовъ. Депутація воз-

ложила на гробъ Плещеева вѣнокъ отъ московскаго студенчества съ надписью:

Друзья! дадимъ другъ другу руки.
И смѣло двинемся впередъ!...
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!

Около клиникъ къ погребальному шествію, окруженному многочисленнымъ конвоемъ полицейскихъ и конныхъ жандармовъ, присоединилось нѣсколько сотъ студентовъ. Такимъ образомъ похороны для того времени вышли грандіозными. Вся вина студенческихъ организацій, — по справедливому замѣчанію союзнаго совѣта, — заключалась въ томъ, что „при дезорганизаціи общества сплоченному студенчеству пришлось принять наиболѣе активное и горькое участіе въ устройствѣ публичныхъ торжественныхъ похоронъ скончавшагося общественнаго дѣятеля“. Вина, заслуживающая лишь одобренія!

Письмо къ французскимъ студентамъ, отправленное союзнымъ совѣтомъ, было вызвано тѣмъ, что въ октябрѣ 1896 г. въ разгаръ франко-русскихъ манифестацій группа московскихъ студентовъ не безъ участія инспекціи отправила парижскимъ студентамъ отъ лица московскаго студенчества привѣтственную телеграмму. По этому именно поводу союзный совѣтъ немедленно отправилъ по тому же адресу письмо съ выраженіемъ протеста какъ противъ самозванства этой группы, такъ и по существу, противъ происшедшаго обмѣна привѣтствій. Въ этомъ письмѣ союзный совѣтъ высказывалъ свое отрицательное отношеніе къ шовинистическимъ франко-русскимъ манифестаціямъ, а также свой взглядъ на историческую роль Франціи, какъ передового борца за идеи „равенство, братство и свобода“. Отправленное въ нѣсколькихъ экземплярахъ, частью письмо было задержано на границѣ, частью дошло по назначенію, и, по полученнымъ союзнымъ совѣтомъ свѣдѣніямъ, произвело въ Парижѣ хорошее впечатлѣніе. Въ Германіи это письмо было напечатано въ *Vorwärts*.

Мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что союзный совѣтъ, измѣнивъ нѣсколько свою прежнюю тактику и выступивъ съ предложеніемъ активнаго протеста, въ своемъ существѣ остался и въ 1896 г. тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Идеалы и цѣли его не измѣнились...

Приведенныя данныя могутъ до извѣстной степени характеризовать какъ направленіе студенческихъ организацій въ 90-хъ годахъ, такъ и роль ихъ представительнаго органа — союзнаго совѣта. Въ серединѣ 90-хъ годовъ студенческія организаціи, начавшія болѣе или менѣе планомѣрно функціонировать въ серединѣ 80-хъ годовъ, достигли своего наибольшаго расцвѣта. Каково же было къ нимъ отношеніе за истекшее время со стороны правительства, университетской администраціи, профессорской корпораціи и студенческой среды?... Опредѣливъ эти отношенія, можно будетъ уяснить себѣ лучше то положеніе, которое заняли студенческія организаціи въ университетской жизни.

Отношеніе правительства характеризовано было уже нѣсколькими примѣрами. Это отношеніе было отрицательно, что̀ и понятно при существованіи проникнутаго бюрократическими тенденціями университетскаго устава 1884 г. Въ сущности говоря, это отношеніе такъ хорошо извѣстно, такъ еще близко всѣмъ, имѣвшимъ какое-либо отношеніе къ университетамъ въ послѣдніе дни господства стараго режима, что о немъ можно почти не говорить. Студенческія организаціи разсматривались какъ революціонныя сообщества. Этимъ все уже сказано. Чувствуя однако вліяніе организованнаго студенчества на ходъ университетской жизни, правительство въ своихъ многократныхъ сообщеніяхъ всѣми средствами пыталось дискредитировать значеніе организаціи въ сознаніи студенческой массы, — доказать, что масса по своей неопытности слѣпо идетъ за кучкой агитаторовъ-революціонеровъ. Центральное мѣсто, которое удѣлялось въ правительственныхъ сообщеніяхъ студенческимъ органи-

заціямъ и въ частности союзному совѣту, показываетъ однако, какое важное значеніе придавалось въ правительственныхъ сферахъ студенческимъ учрежденіямъ. Въ этомъ сказывалось и безсиліе бороться со студенческой самодѣятельностью: пока существуютъ ненормальныя условія университетской жизни,—заявляетъ союзный совѣтъ по поводу одного правительственнаго сообщенія,— будутъ жить общее недовольство среди студентовъ, стремленіе противодѣйствовать деморализующимъ началамъ, которыя стараются провести въ жизнь, а пока существуютъ эти стремленія, будетъ существовать и союзный совѣтъ.

Той же точки зрѣнія, что и министерство народнаго просвѣщенія, держалась, конечно, и университетская администрація. Въ объявленіяхъ, вывѣшиваемыхъ въ университетскихъ зданіяхъ по поводу тѣхъ или иныхъ волненій, всегда повторялась одна и та же шаблонная фраза: „кружокъ неблагонамѣренныхъ людей“ или „ничтожная кучка агитаторовъ“ и т. д., а далѣе выражалась надежда на „благоразуміе огромнаго большинства студентовъ“. Университетская администрація рѣшительно не допускала возможности существованія центральной студенческой организаціи, съ которою „долженъ былъ бы считаться весь университетъ, не исключая и его властей“. „Если даже вовсе устранить точку зрѣнія полицейскую и политическую,— писалъ гр. Капнистъ, попечитель московскаго учебнаго округа, въ своихъ замѣчаніяхъ на докладную записку, поданную 42 профессорами московскому генералъ губернатору,— такое сообщество (какъ союзный совѣтъ землячествъ) является, безусловно, вреднымъ съ чисто академической точки зрѣнія и противорѣчитъ самымъ кореннымъ основамъ всей университетской организаціи“. Допуская въ принципѣ существованіе узко-товарищескихъ кружковъ взаимопомощи и самообразованія, гр. Капнистъ полагалъ необходимымъ вести самую упорную борьбу съ попытками создать прочную организацію, которая стремилась бы охватить всѣхъ студентовъ.

Другого отношенія отъ университетской администраціи къ студенческимъ организаціямъ, принимая во вниманіе господствовавшія въ то время теченія въ правительственныхъ сферахъ, мы и не могли ожидать. Но для насъ было бы въ высшей степени интересно опредѣлить отношеніе къ студенческимъ организаціямъ со стороны профессорской корпораціи.

Мы знаемъ, что студенческія организаціи, согласно директивамъ еще перваго студенческаго съѣзда, ставили своею цѣлью содѣйствовать объединенію учащейся молодежи съ преподавательскимъ персоналомъ, дабы устранить ту механическую, чисто внѣшнюю связь, которая устанавливалась между ними уставомъ 1884 г. Иниціативу въ дѣлѣ сближенія профессоровъ и студентовъ взялъ на себя союзный совѣтъ. Съ этою цѣлью еще въ 1893 г. союзный совѣтъ устраиваетъ особыя вечеринки. Мы имѣемъ свѣдѣнія о двухъ такого рода вечеринкахъ. На первой изъ нихъ, какъ сообщаетъ союзный совѣтъ, профессоровъ было очень мало; большинство отнеслось недовѣрчиво къ приглашенію. На второй вечеринкѣ профессоровъ было уже гораздо больше. Темой для совмѣстной бесѣды являлся вопросъ объ единствѣ дѣйствій профессоровъ и студентовъ. Эти вечеринки носили характеръ большихъ собраній, но, кромѣ того, происходили еще небольшія собранія.

Несмотря на эти попытки къ объединенію и ознакомленію профессорской корпораціи со студенческими организаціями, въ сущности профессора были весьма мало освѣдомлены о дѣятельности студенческихъ организацій и въ частности союзнаго совѣта, что̀ наглядно обнаружилось на памятномъ засѣданіи совѣта профессоровъ 29 декабря 1894 г. На этомъ собраніи было констатировано, что профессора „въ первый разъ“ получили „надлежащія свѣдѣнія о дѣятельности союзнаго совѣта землячествъ“. Съ дѣятельностью союзнаго совѣта познакомилъ профессоровъ ректоръ, прочитавъ нѣкоторыя изъ гекто-

графированныхъ изданій союзнаго совѣта и судебной комиссіи; въ этомъ докладѣ подчеркивалась связь союзнаго совѣта съ тайными революціонными обществами. „Документы, — писалъ по этому поводу союзный совѣтъ, — были подобраны съ ясно опредѣленной цѣлью: подѣйствовать, какъ можно сильнѣе, на профессоровъ, и многіе изъ тѣхъ документовъ, которые могли бы освѣтить организацію съ другой стороны, прочтены не были". Въ своемъ заявленіи ректоръ указалъ, что „многихъ профессоровъ подозрѣваютъ въ сношеніяхъ съ союзнымъ совѣтомъ и что поэтому имъ необходимо какъ-нибудь снять съ себя это тяжелое обвиненіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ нѣкоторымъ изъ нихъ придется уйти изъ университета, другіе уйдутъ за ними сами, и университетъ будетъ закрытъ". Мнѣнія совѣта раздѣлились: одни говорили о вредѣ и невозможности допускать существованіе какой бы то ни было студенческой организаціи, другіе считали допустимой организацію въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала. Большинство, не признавая вреднымъ существованіе отдѣльныхъ землячествъ, высказывалось противъ ихъ объединенія. Послѣ долгихъ и оживленныхъ дебатовъ, какъ компромиссъ между крайними мнѣніями, была принята слѣдующая формула, подписанная 82 профессорами: „не касаясь въ настоящее время вопроса о землячествахъ, какъ отдѣльныхъ студенческихъ обществахъ для благотворительныхъ или общеобразовательныхъ цѣлей, мы считаемъ вреднымъ и подрывающимъ основы университетской жизни такъ называемый союзный совѣтъ, такъ такой тайный союзъ, который имѣетъ притязаніе судить университетскихъ преподавателей, начальство и студентовъ, предписывать имъ образъ дѣйствій и карать ихъ за неповиновеніе". Отмѣчая это постановленіе, союзный совѣтъ въ свое время указывалъ, что принятая профессорами формула явилась плодомъ недоразумѣнія: „наша организація никогда не „имѣла притязанія судить профессоровъ", она никогда не „предписывала

имъ образа дѣйствій", а только выясняла событія или личности для того, чтобы предотвратить безпорядки, и если подобное заявленіе было подписано профессорами, то, очевидно, только благодаря преднамѣренному одностороннему освѣщенію организаціи".

Въ сущности предшествующее положеніе во многомъ подтверждаетъ заявленіе союзнаго совѣта — мы могли видѣть на примѣрахъ, какъ вмѣшательство союзнаго совѣта устраняло поводъ къ волненіямъ. Справедливо и то, что союзный совѣтъ вмѣшивался въ отношенія профессоровъ къ студентамъ только тогда, когда эти отношенія дѣйствительно грозили нарушенію нормальнаго теченія университетской жизни. И если профессорская корпорація, какъ это было заявлено въ засѣданіи 29 декабря 1894 г., не имѣла „данныхъ для сужденія о землячествахъ", то равнымъ образомъ она не имѣла достаточнаго матеріала для признанія вредной дѣятельность союзнаго совѣта. Историкъ скорѣе долженъ поставить ему многое въ плюсъ.

Но какъ бы то ни было, союзъ землячествъ въ университетской жизни получилъ огромное значеніе; онъ пользовался большимъ авторитетомъ въ студенческой средѣ: „студенты, — по замѣчанію профессорской комиссіи при Московскомъ университетѣ 1901 г. о причинахъ студенческихъ волненій, — обнаружили въ себѣ большую дисциплину, такъ сказать, съ лѣвой руки, слушались своего нелегальнаго начальства гораздо болѣе, чѣмъ университетскаго" (замѣчаніе это относится къ 1895 г.). Ростъ и усиленіе вліянія студенческихъ организацій въ 90-хъ годахъ несомнѣнны. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельства со всѣхъ сторонъ. Наиболѣе критически, пожалуй, даже черезчуръ, относились къ себѣ сами студенты, но и они уже на второмъ съѣздѣ признаютъ наличность „нѣкотораго подъема" общественнаго самосознанія въ студенческой средѣ. Мы приводили уже строгую характеристику студентовъ, сдѣланную московскимъ союзнымъ совѣтомъ; еще бо-

лѣе любопытную характеристику находимъ мы въ отчетахъ II московскаго студенческаго съѣзда. Въ виду интереса этой характеристики (матеріалъ, такъ же впервые появляющійся въ печати) приведемъ in extenso протоколъ третьяго засѣданія съѣзда, посвященнаго выясненію вопроса о состояніи современнаго студенчества. Вотъ этотъ протоколъ.

„Получивъ необходимыя свѣдѣнія о внутренней жизни студенчества кіевскаго, харьковскаго и московскаго, съѣздъ рѣшилъ заняться вопросами: есть ли данныя, свидѣтельствующія объ упадкѣ или подъемѣ студенчества за послѣднее время сравнительно съ прошлымъ? Въ чемъ то или другое выражается и какими причинами можетъ быть объяснено? Единодушное мнѣніе всѣхъ депутатовъ было таково, что если сравнивать настоящее съ недавнимъ прошлымъ (т.-е. со второй половиной 80-хъ годовъ), то можно, пожалуй, отмѣтить нѣкоторый подъемъ, нѣкоторое оживленіе; но если сравнивать съ 60-ми или 70-ми годами, то настоящее все-таки рисуется въ очень неутѣшительномъ свѣтѣ. Русское студенчество 60-хъ и 70-хъ годовъ представляло собою такое свѣтлое явленіе, подобно которому нужно поискать въ исторіи. Поэтъ конца той эпохи съ любовью характеризуетъ тогдашнюю молодежь такими чертами:

...Нѣтъ края,
Такого въ мірѣ нѣтъ угла, гдѣ бы молодежь,
Всѣ блага жизни презирая,
Такъ честно, какъ у насъ, такъ рано обрекла
Себя служенью правдѣ строгой.
Жизнь чуть ли не дѣтьми насъ прямо повела
Тернистыхъ подвиговъ дорогой.
Намъ сжалъ впервые грудь не женскихъ ласкъ восторгъ,
Не сладкій лепетъ страсти новой,
И первую слезу изъ дѣтскихъ глазъ исторгъ
Не взоръ красавицы суровой.
Надъ скорбной родиной скорбѣвшія уста
Шептали первыя признанья,

Надъ прахомъ дорогимъ товарища-бойца
Звучали первыя рыданья.
Взамѣнъ безпечныхъ словъ бесѣды молодой
Мы совѣсть раскрывали нашу;
Взамѣнъ хмельной струи изъ чаши круговой
Мы испытаній пили чашу...

Къ такой молодежи дѣйствительно примѣнимъ эпитетъ: „надежда, цвѣтъ русскаго общества“... Съ какой ироніей звучитъ этотъ эпитетъ по отношенію къ намъ! Благо еще, что его къ намъ теперь мало прилагаютъ. Напротивъ, намъ приходится все чаще и чаще слышать упреки за „юнкерство“ нашихъ товарищей на скамьѣ; и въ обществѣ и въ литературѣ все чаще слышатся рѣчи о паденіи интеллектуальнаго и нравственнаго уровня русскаго студенчества; дѣло, наконецъ, доходитъ до того, что студенты въ своей юнкерской формѣ появляются на страницахъ юмористическихъ журналовъ. Конечно, это — подонки студенческой среды, они всегда были и будутъ, на нихъ нечего обращать вниманія. Это такъ — они были и прежде, но тогда былъ и противовѣсъ имъ; не они задавали тонъ жизни студенчества, они жили особо своей жизнью. Теперь же никакого противовѣса нѣтъ, и мундирная часть студенчества, какъ въ боголѣповской исторіи въ Москвѣ, смѣло рѣшается выступать въ роли выразителя общаго студенческаго мнѣнія. И естественно, потому что роль эта остается незанятой. Общественнаго мнѣнія студенческаго не существуетъ, студенчество не представляетъ единаго цѣлаго даже въ такихъ ничтожныхъ вещахъ, какъ оппозиція формалисту-ректору...

Средній студентъ въ большей или меньшей степени поглощенъ наукой, преподаваемой ему съ каѳедры; внѣ сферы этой офиціальной науки онъ отличается безыдейностью; къ общественнымъ вопросамъ у него полнѣйшій индиферентизмъ, между тѣмъ онъ — будущій членъ общества, да еще интеллигентъ, значитъ руководитель общественной жизни. Очевидно, что и здѣсь, какъ и на сту-

денческой скамьѣ, онъ будетъ представлять изъ себя ту рыхлую и инертную массу, которая подъ прикрытіемъ мудраго житейскаго правила: „моя хата съ краю“, „не мое дѣло“, закрываетъ глаза на всѣ творящіяся вокругъ нея безобразія.

Что же касается тѣхъ студентовъ, которые не удовлетворяются офиціальной наукой и предъявляютъ запросы на нѣчто болѣе живое, то они, конечно, не находятъ себѣ удовлетворенія въ окружающемъ; но создать иную среду по отсутствію иниціативы они не могутъ, и дѣло кончается сплошь и рядомъ нытьемъ, хандрой и пессимизмомъ. Что же касается людей, которые вслѣдствіе темперамента или счастливыхъ условій предыдущей жизни обладаютъ иниціативой въ достаточной степени, то ихъ усилія являются прежде всего разрозненными. Отсюда рядъ промаховъ, ошибокъ, открыванія такихъ Америкъ, которыя давно уже открыты, и пр. и пр. Коллективнаго опыта не существуетъ, и каждый на себѣ продѣлываетъ всѣ ошибки предшественниковъ и товарищей. Рядъ неудачъ въ лучшемъ случаѣ, если онъ не кончается крахомъ, приводитъ человѣка къ тому, что онъ замыкается тѣснымъ кругомъ близкихъ лицъ или тоже начинаетъ ныть и ноетъ даже тогда, когда лучшая часть русскаго общества разстается съ нытьемъ и взываетъ о необходимости проснуться.

Старческая разочарованность, какое-то недовѣріе къ тому, что могутъ наступить лучшія времена, мѣшаютъ ему вновь исполниться энергіей и дѣйствовать такъ, чтобы эти времена дѣйствительно наступили. Вообще можно сказать, что упадокъ студенчества сравнительно съ прежними временами отражается въ его разобщенности, — главнымъ образомъ, разобщенности его лучшей части, и въ индиферентизмѣ большинства къ текущей общественной жизни и вообще къ общественнымъ вопросамъ. *Что же касается нѣкотораго подъема,* замѣчаемаго въ послѣднее время, то онъ выражается въ томъ, что существующія студен-

ческія организаціи во многихъ мѣстахъ расширяютъ свои задачи. Тѣмъ не менѣе и теперь, какъ видно изъ докладовъ и отчетовъ депутатовъ, присутствовавшихъ на съѣздѣ, состояніе ихъ оставляетъ желать лучшаго. Въ то время какъ осуществленіе принципа матеріальной взаимопомощи обставлено во всѣхъ организаціяхъ болѣе или менѣе солидно, захватываетъ значительный кругъ лицъ, имѣетъ вполнѣ опредѣленное устойчивое положеніе и можетъ разсчитывать на правильное дальнѣйшее развитіе въ опредѣленномъ направленіи — осуществленіе принципа нравственной и духовной поддержки находится далеко не въ столь благопріятныхъ условіяхъ. Нельзя отмѣтить правильнаго, постояннаго, опредѣленнаго теченія въ этомъ направленіи; нѣтъ въ этомъ смыслѣ и ясно выраженной устойчивой организаціи, которая заключала бы въ себѣ залогъ дальнѣйшаго развитія. Нравственное и духовное взаимодѣйствіе вездѣ носило болѣе или менѣе случайный, временный, несистематическій характеръ, выражаясь, главнымъ образомъ, въ принятіи различными организаціями того или другого рѣшенія по рѣзко выдающимся событіямъ изъ студенческой и общественной жизни. Такимъ образомъ нравственный и духовный подъемъ и поддержка почти всегда находились въ зависимости отъ наличности этихъ событій. Неудовлетворенность настоящимъ (многіе изъ отвѣтовъ отъ московскихъ землячествъ, группъ и лицъ, входящихъ въ союзъ, жалуются на плохой ходъ дѣлъ въ землячествахъ, на отсутствіе живой связи между членами ихъ; недовольны и ходомъ дѣла въ существующихъ кружкахъ саморазвитія) такимъ образомъ имѣетъ свое законное основаніе въ дѣйствительныхъ фактахъ студенческой жизни. Мало того, въ ней *можно видѣть залогъ лучшаго будущаго.* Отъ нея только одинъ шагъ до попытокъ измѣненія существующаго къ лучшему...

Естественно возникаетъ интересный вопросъ: чѣмъ объясняется общій упадокъ студенчества сравнительно съ 60-ми и 70-ми годами? И другой, быть можетъ, еще

интереснѣе: чѣмъ объясняется нѣкоторый подъемъ, замѣчаемый и въ послѣднее время? Есть ли это явленіе случайное, временное, или нѣчто болѣе устойчивое, обѣщающее въ будущемъ дальнѣйшій прогрессъ? Эти вопросы очень большіе, и съѣздъ, конечно, не надѣется дать на нихъ сколько-нибудь полные и обстоятельные отвѣты. Вообще же можно сказать, что на студенчествѣ въ данномъ случаѣ отразилось лишь то, что переживало все общество. Эпоха 60-хъ и 70-хъ годовъ была эпохой надеждъ и ожиданій. Россія выступила на путь реформъ, которыя были встрѣчены горячимъ сочувствіемъ общества. Лучшая передовая часть нашей интеллигенціи надѣялась, что сочувствіе это сознательно, устойчиво, прочно, что имъ обезпечивается будущность реформъ отъ случайныхъ измѣненій въ направленіи правительственной политики. Впрочемъ, и тогда были люди, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ, которые съ горечью замѣчали, что подъ громкими и пышными фразами, въ которыхъ отовсюду расточались восхваленія „новой эры“, замѣчается слишкомъ мало критической оцѣнки и дѣйствительнаго пониманія, чему нужно радоваться, такъ какъ многія реформы были слишкомъ половинчаты и на ряду съ медомъ заключали въ себѣ не мало и дегтю. Опасенія ихъ оправдались. Эпоха реформъ довольно скоро оборвалась, показались явные признаки реакціи. Общество безмолвствовало и не теряло праздничной физіономіи, какъ будто Россія на поприщѣ реформъ и обновленія совершала „въ предѣлѣ земномъ все земное“. Только отдѣльные кружки, поставившіе своимъ девизомъ „уплату долга народу“, трудомъ котораго существовали привилегированные классы, рѣзко выдѣлялись изъ общаго сѣренькаго фона... И русская молодежь выдѣляла не мало служителей этой идеѣ, отдававшихся ей беззавѣтно, безъ оглядокъ, цѣликомъ. Реакція побѣдила. Пытавшіеся силою бороться съ ней легли костьми. Противники всего свѣжаго и живого, упорно сопротивлявшіеся всѣмъ нововведеніямъ, теперь указы-

вали съ торжествомъ на революціонную борьбу, какъ на прямое слѣдствіе реформъ, тогда какъ она была слѣдствіемъ количественной и качественной недостаточности реформъ, остановки въ нихъ и реакціи. Проповѣдники крѣпостничества и произвола стали фигурировать въ роли пророковъ и спасителей отечества. Наступила эпоха „искорененія“.

Періодъ 80-хъ годовъ носитъ рѣзкую окраску торжества реакціи — и физическаго и духовнаго. Безжалостно истреблялись всѣ проявленія свободной мысли, всякія проявленія смѣлой и широкой иниціативы. Преслѣдовались даже самыя скромныя и невинныя начинанія. Между интеллигенціей и народомъ была воздвигнута глухая стѣна.

Какъ результатъ этого явились: свободный и сильный расцвѣтъ карьеризма, всеобщая погоня за наживой, неразборчивость средствъ для ея достиженія, забвеніе азбучныхъ правилъ нравственности. Воцарилась полнѣйшая рознь между членами общества, упадокъ чувства собственнаго достоинства, пассивное приспособленіе къ окружающему подъ вліяніемъ шкурныхъ инстинктовъ, отсутствіе умственныхъ интересовъ, доходящее до какой-то мыслебоязни. Молодежь росла въ этой средѣ и дышала зараженнымъ воздухомъ. Но всякое движеніе, порожденное серіозными историческими причинами, быть можетъ, нетрудно заглушить на нѣкоторое время, но навсегда подавить невозможно. А между тѣмъ всѣ условія, вызывавшія въ обществѣ радикальное движеніе 10 или 20 лѣтъ тому назадъ, существуютъ и теперь; всѣ аномаліи, заключавшіяся въ общемъ строѣ русской жизни, не только не сгладились, но еще обострились. Ненормальное положеніе народныхъ массъ доходитъ до крайности и выражается въ ужасающемъ голодѣ. Рознь между трудящимися и привилегированными классами и недовѣріе первыхъ къ послѣднимъ обостряется до того, что чуть не повсемѣстно разыгрываются массовые холерные безпорядки, въ кото-

рыхъ народъ, доведенный до отчаянія голодомъ, нуждой и вдобавокъ грозной, непонятной для него эпидеміей, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ, готовъ разносить все, что воздвигаетъ „интеллигенція“... „Громъ не грянетъ — мужикъ не перекрестится“, говоритъ пословица. Неурожай, производящій голодовку въ 19 плодороднѣйшихъ губерніяхъ, снабжавшихъ когда-то хлѣбомъ остальную Россію, и повергающій милліонъ крестьянъ въ безысходную нужду, уже заставилъ нѣсколько призадуматься наше общество. Онъ рѣзко подчеркнулъ то обстоятельство, что существуютъ въ русской жизни такія условія, которыя давно уже фатально вели крестьянское хозяйство къ упадку.

Условія эти представляютъ собою не мелочныя, а самыя существенныя черты современнаго строя русской жизни: малоземелье, мѣстами переходящее чуть не въ безземелье крестьянъ; неравномѣрное распредѣленіе налоговъ между податными и неподатными сословіями; вообще покровительство дворянству и буржуазіи въ ущербъ низшимъ классамъ населенія; несоотвѣтствіе между величиной затратъ государственныхъ доходовъ и степенью важности различныхъ статей и предметовъ расходованія, выражающееся, между прочимъ, въ невозможной постановкѣ народнаго образованія, — вотъ эти экономическія „основы“ современнаго режима. А въ сферѣ политической имъ соотвѣтствуетъ отсутствіе учрежденій, въ которыхъ могла бы болѣе или менѣе широко развернуться самодѣятельность общества. Гоненіе на всякое проявленіе стремленія къ свободѣ, полицейско-бюрократическіе порядки въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и постановка въ нихъ образованія, почти совершенно не дающая пищи для ума, а лишь мертвыя знанія и фальсифицированную науку, — все это лишь отдѣльныя части одной стройной системы, которыя одна на другую опираются и лишь во всей совокупности получаютъ каждая свой опредѣленный смыслъ и назначеніе, а потому безъ измѣненія общаго режима

нельзя надѣяться на существенное измѣненіе въ какой-нибудь отдѣльной части.

Потребность переустройства всей нашей общественной жизни на началахъ большей свободы и болѣе справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія матеріальныхъ и духовныхъ благъ между различными классами населенія — вотъ что должно, наконецъ, проснуться въ нашемъ обществѣ, если только оно сохранило способность къ жизни. Пока мы наблюдаемъ лишь слабые проблески общественнаго самосознанія. Но можно надѣяться, что проблески эти, равно какъ и вообще нѣкоторое оживленіе, наблюдаемое за послѣднее время въ обществѣ и студенчествѣ, — не случайныя и временныя явленія, что это — первые признаки естественнаго возрожденія того движенія, которое имѣло мѣсто въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и которое имѣетъ за собой и логическое, и историческое право на существованіе"...

Въ приведенной характеристикѣ, безспорно, есть много вѣрныхъ чертъ. Характеристика русскаго общества конца 80-хъ годовъ студенческимъ съѣздомъ во многомъ напоминаетъ намъ аналогичный отзывъ Чичерина въ его книгѣ „Россія въ концѣ XIX в."; тоска и апатія были отличительными чертами господствующаго настроенія общества чеховскихъ героевъ. Естественно, и представители молодого поколѣнія носили на себѣ отпечатокъ этихъ общественныхъ настроеній. Подъемъ общественнаго самосознанія въ половинѣ 90-хъ годовъ наиболѣе ярко отозвался на учащемся поколѣніи и, понятно, сказался прежде всего въ развитіи чувства товарищеской солидарности, въ стремленіи объединиться на университетской скамьѣ на почвѣ общихъ интересовъ. Студенческимъ организаціямъ, какъ центру университетской жизни, гдѣ хранились былыя традиціи, пришлось играть первостепенную роль. Второй студенческій съѣздъ отмѣчалъ еще лишь проблески этого пробужденія; черезъ нѣсколько лѣтъ общественные интересы занимаютъ первое мѣсто въ ходѣ

университетскихъ событій, отодвигая уже на задній планъ академическіе интересы.

Изъ отчета студенческаго съѣзда мы видимъ, что въ студенческой средѣ господствовалъ опредѣленный взглядъ, что судьбы университета всецѣло зависятъ отъ общеполитическихъ условій въ странѣ. Это сознаніе влечетъ наиболѣе мыслящую часть студенчества къ участію въ политической жизни и роковымъ образомъ превращаетъ университетъ въ орудіе политической борьбы. Эволюція эта была неизбѣжна. Но какъ только политическіе интересы были выдвинуты въ качествѣ лозунговъ борьбы, и начавшееся сплочиваться студенчество должно было расколоться. Это и случилось въ концѣ 90-хъ годовъ Во время второго студенческаго съѣзда, хотя и существуетъ глубокое убѣжденіе о неразрывныхъ узахъ, связывающихъ университетъ съ общеполитическими условіями, студенческія организаціи не ставятъ себѣ какихъ-либо непосредственныхъ политическихъ цѣлей: онѣ должны лишь подготовлять будущихъ общественныхъ дѣятелей, и такимъ образомъ политическая свобода должна вѣнчать то зданіе, фундаментъ котораго онѣ воздвигли.

Однако, констатировавъ недостаточное развитіе корпоративныхъ организацій, съѣздъ въ сущности далъ не совсѣмъ правильное представленіе о ходѣ дѣлъ. Какъ разъ къ этому времени во всѣхъ русскихъ университетахъ явились уже прочно установившіяся студенческія организаціи; во всѣхъ университетахъ функціонируютъ союзные совѣты объединенныхъ землячествъ, которые черезъ посредство тѣхъ же делегатовъ входятъ другъ съ другомъ въ сообщеніе.

На второмъ уже съѣздѣ обсуждается вопросъ о средствахъ къ большему объединенію студентовъ различныхъ университетскихъ городовъ. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ, по мнѣнію многихъ делегатовъ, явилось бы изданіе спеціальнаго періодическаго органа. Вопросъ этотъ впервые возникъ на одномъ изъ междуземляческихъ со-

браній въ Москвѣ. Какъ видно изъ протокола, собраніе признало тогда, что студенческій органъ не долженъ быть выразителемъ мнѣній „какого-нибудь кружка или какой-нибудь партіи“; онъ долженъ отражать направленіе и взгляды всего студенчества, участвующаго въ корпораціяхъ, а если такого единаго направленія не существуетъ, то способствовать его выработкѣ, открывая на страницахъ органа мѣсто различнымъ взглядамъ. Редакція журнала, во избѣжаніе пристрастнаго отношенія, должна быть выборною. Московское собраніе высказалось при этомъ въ томъ смыслѣ, что студенческій органъ долженъ носить мѣстный характеръ, „такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ будетъ болѣе живымъ и чуткимъ къ „злобѣ дня“ текущей студенческой жизни“.

Съѣздъ, „не отрицая возможности существованія“ и такого органа, какъ охарактеризованнаго выше, большее значеніе придавалъ органамъ другого типа,—„органамъ въ строго выдержанномъ направленіи, систематически проводящимъ и развивающимъ извѣстный циклъ идей, извѣстное стройное и законченное міровоззаніе, при которомъ мельчайшій фактъ освѣщается съ извѣстной точки зрѣнія и получаетъ общее, а не частное значеніе“. „Среди студенчества,—говорится въ протоколахъ съѣзда, — есть, несомнѣнно, до извѣстной степени установившіеся люди, міросозерцаніе которыхъ — по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ — уже опредѣлилось, и если бы они, сплотившись между собой, попытались на страницахъ общестуденческаго органа приложить это общее міросозерцаніе къ важнѣйшимъ вопросамъ студенческой жизни, то, несомнѣнно, получилось бы нѣчто весьма интересное и цѣнное для студентовъ. А для общества (съѣздомъ раньше высказывалось нѣсколько разъ, какъ важно вліять на общество въ смыслѣ, благопріятномъ для студенчества и его конечныхъ цѣлей) такой органъ, конечно, представлялъ бы гораздо больше интереса, чѣмъ первая „проба пера“ начинающихъ критически относиться ко всему лю-

дей, хотя для нихъ лично эта „проба пера“, попытки формулировать свои взгляды, отдать въ нихъ себѣ полный отчетъ имѣютъ большое значеніе. „Такъ какъ въ одномъ городѣ, — говорится далѣе въ протоколѣ по поводу организаціи студенческаго періодическаго органа, — можетъ оказаться недостаточно силъ для веденія такого органа, то нужно, чтобы органъ былъ не мѣстнымъ, а общестуденческимъ, чтобы издательская группа имѣла прочныя связи съ другими городами. Впрочемъ, нѣтъ необходимости, чтобы всѣ сотрудники органа были непремѣнно студенты, важно лишь, чтобы программа органа носила общестуденческій характеръ. Вотъ въ общихъ чертахъ такая программа:

I. Вопросы общеобразовательнаго характера: идеалы науки и жизни; историческіе законы развитія общества (статьи по этикѣ, соціологіи, политической экономіи, исторіи). II. Важнѣйшіе вопросы общественной жизни и политики: внутренняя политика правительства, главныя общественныя силы въ Россіи, кромѣ правительства, и ихъ дѣятельность. Отношенія правительства къ студенчеству. III. Вопросы общестуденческіе: роль студенчества въ исторической жизни народовъ; положеніе студенчества у насъ и въ другихъ странахъ; внутренняя жизнь русскаго студенчества.

Объ избирательномъ составѣ редакціи, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Какъ въ видахъ успѣшнаго веденія дѣла, такъ особенно въ видахъ безопасности, необходимо, чтобы участники дѣла представляли замкнутую группу лицъ, связанныхъ, по возможности, личными симпатіями и личнымъ знакомствомъ. Эта группа можетъ имѣть сношенія съ центрами крупнѣйшихъ студенческихъ организацій; черезъ эти центры могутъ итти въ органъ статьи отъ отдѣльныхъ группъ, а также „распространяться вышедшіе №№ органа“.

Съѣздъ считалъ появленіе такого органа въ высшей степени желательнымъ. Однако идеи этой осуществить не удалось. Конечно, проектированный органъ долженъ

былъ носить характеръ легальнаго журнала*). И это создавало при тогдашнихъ условіяхъ печати уже само по себѣ непреодолимое препятствіе.

На ряду съ указаннымъ проектомъ, такъ сказать, общестуденческаго объединенія мы встрѣчаемся и съ другой попыткой, преслѣдующей тѣ же цѣли,—создать особыя провинціальныя организаціи. Былъ выработанъ даже приводимый ниже уставъ этихъ мѣстныхъ союзовъ. Цѣль союзовъ уставомъ опредѣляется такимъ образомъ: цѣль союза всѣхъ студентовъ одного города — достиженіе наибольшаго единенія, съ одной стороны, между ними самими, съ другой — между студентами и мѣстными обществами. Кромѣ того, этотъ союзъ можетъ служить звеномъ для объединенія студентовъ Россіи. Разъѣхавшись по разнымъ университетскимъ городамъ, студенты мало-помалу теряютъ совершенно связь между товарищами-земляками и живутъ, главнымъ образомъ, интересами своего университетскаго города. Между тѣмъ большинству изъ нихъ приходится по окончаніи университета работать вмѣстѣ и здѣсь, на поприщѣ общественной работы, они встрѣчаются совершенно чужими. Имъ снова приходится узнавать другъ друга, приходится также узнавать представителей мѣстной интеллигенціи, связь съ которой такъ же сильно ослабѣваетъ за время университетскаго курса. Съ другой стороны, интеллигенція, отдаленная отъ университета, совершенно незнакома съ событіями университетскими, а услужливые люди всегда стараются придать этимъ событіямъ характеръ ложный и невыгодный для студентовъ. Общность университетскаго устава и, слѣдовательно, общность положенія давно уже вызвали потребность единенія между всѣми студентами всѣхъ университетскихъ городовъ Россіи. Общими силами и общими средствами легче бороться съ гнетомъ, лежа-

*) Въ 90-хъ годахъ существовало нѣсколько литографированныхъ студенческихъ журналовъ.

щимъ на студентахъ. Средствами этого единенія считались и считаются съѣзды студентовъ. Но до сихъ поръ съѣзды мало удовлетворяли своей цѣли, такъ какъ плебисцитъ принималъ всегда мало участія въ обсужденіи этихъ вопросовъ. Кромѣ того, условія устройства съѣздовъ такого рода, что результаты ихъ работъ могутъ сообщаться студентамъ только черезъ сравнительно долгое время. Да и сами съѣзды не могутъ часто повторяться. На каникулахъ въ своихъ родныхъ городахъ студенты невольно съѣзжаются и здѣсь они могутъ совмѣстно приступить къ обсужденію общихъ вопросовъ. Правда, и теперь люди наиболѣе живые обсуждаютъ эти вопросы въ своемъ университетскомъ городѣ передъ съѣздами. Эти люди, знакомые только съ условіями жизни своего университета, всегда могутъ упустить нѣсколько важныхъ деталей, зависящихъ отъ мѣстныхъ условій, и потому прійти къ выводамъ, не сходнымъ съ выводами съѣзда. Совмѣстное же обсужденіе вопроса съ своими земляками-студентами другихъ университетовъ дастъ возможность обсудить эти вопросы болѣе всесторонне. Вотъ въ краткихъ чертахъ тѣ причины, которыя вызвали стремленія устроить союзъ всѣхъ студентовъ одного города.

Организація союза состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Общее собраніе всѣхъ пріѣхавшихъ въ городъ студентовъ-земляковъ совмѣстно съ представителями мѣстнаго общества.

Примѣчаніе I. Въ члены союза, а слѣдовательно и на собранія, по баллотировкѣ могутъ быть допущены и студенты тѣхъ университетскихъ городовъ, гдѣ землячествъ не существуетъ. Неземляки тѣхъ университетовъ, гдѣ есть землячества, не допускаются.

Примѣчаніе II. Рекомендуется также во время лѣтнихъ каникулъ приглашать кончившихъ гимназистовъ для ознакомленія ихъ со студенческими дѣлами. Гимназисты приглашаются также по баллотировкѣ.

2) Кромѣ общихъ собраній существуетъ собраніе правленія, состоящаго изъ кассира и представителей разныхъ землячествъ. На обязанности кассира правленія лежитъ созывъ собраній, сношеніе съ обществомъ и членами союза.

Примѣчаніе. Кромѣ представителя необходимо выбирать и замѣстителя, который можетъ всегда допускаться на собраніе правленія и замѣняетъ представителя во время его отсутствія.

Нельзя не признать мысли о такой организаціи „мѣстныхъ союзовъ“ довольно остроумной. Кой-гдѣ эта мысль получила осуществленіе. Мѣстные союзы возникли и функціонировали довольно успѣшно. Въ отчетахъ о дѣятельности этихъ союзовъ мы встрѣчаемъ указанія на то, чѣмъ занимались собранія членовъ. Собравшись студенты, обмѣниваются характеристикой жизни своихъ университетовъ. Здѣсь же поднимаются вопросы, подлежащіе разрѣшенію на ближайшемъ съѣздѣ. На эти собранія приглашаются извѣстные студентамъ представители мѣстной интеллигенціи, которые такимъ образомъ знакомятся съ направленіемъ университетской жизни. Этимъ достигается распространеніе среди общества вѣрныхъ свѣдѣній о событіяхъ, что̀ сильно вліяетъ на пріобрѣтеніе сочувствія общества къ студентамъ. Кромѣ такихъ характеристикъ, совершается обмѣнъ рефератами или сообщеніями по наиболѣе жгучимъ вопросамъ дня. Представители интеллигенціи, съ своей стороны, знакомятъ студентовъ съ настроеніемъ самой интеллигенціи и съ тѣми вопросами, которые выдвинула жизнь мѣстнаго общества. Кромѣ того, студенты оказываютъ вліяніе и помощь мѣстнымъ кружкамъ саморазвитія, снабжая ихъ книгами, программами или прочитывая сообщенія по наиболѣе интереснымъ и общимъ предметамъ... Союзы устраиваютъ студенческія вечеринки. Наконецъ, на ихъ обязанности лежитъ сообщеніе мѣстнымъ обществамъ вспомоществованія вѣрныхъ свѣдѣній о нуждаемости товарищей и о кончившихъ курсъ должникахъ“...

Попытки подобныхъ провинціальныхъ организацій наглядно показываютъ, что студенческія учрежденія пустили уже глубокіе корни въ университетской жизни.

Такимъ образомъ сложилась стройная система: землячества, объединяемыя союзнымъ совѣтомъ, провинціаль-

ныя организаціи и, наконецъ, періодическіе студенческіе съѣзды. Союзные совѣты объединенныхъ землячествъ различныхъ университетовъ находились между собой въ ближайшихъ сношеніяхъ письменнымъ путемъ и черезъ делегатовъ. Надо отмѣтить еще одинъ промежуточный органъ — междуземляческія собранія въ отдѣльныхъ университетахъ. Эти собранія, происходившія отъ времени до времени, устанавливали взаимныя отношенія между отдѣльными землячествами и союзнымъ совѣтомъ, компетенцію послѣдняго и пр. — это были своего рода областныя конференціи; обсуждались на нихъ и принципіальные вопросы о цѣляхъ дѣятельности самихъ землячествъ. Назывались эти собранія земляческими соборами.

Таковы въ общихъ чертахъ были организаціи, игравшія столь важную роль въ академической жизни русскихъ университетовъ въ половинѣ 90-хъ годовъ. Но не успѣли онѣ вполнѣ расцвѣсть, какъ значительно измѣнили свой характеръ: жизнь, вопреки часто ихъ желанію, вела ихъ на другой путь. Академическія цѣли стушевывались передъ другими, болѣе жгучими вопросами момента. Какъ ни старались студенческія организаціи, дѣйствовавшія въ томъ видѣ, какъ создала ихъ сама жизнь, избѣгать „политики“, послѣдняя захватывала ихъ все болѣе и болѣе. Революціонное направленіе становится преобладающимъ въ настроеніи организованнаго студенчества. Собравшійся въ 1896 г. въ Москвѣ съѣздъ представителей союзовъ объединенныхъ землячествъ обсуждаетъ уже вопросъ объ отношеніи учащейся молодежи къ „соціалистической пропагандѣ“. У насъ, къ сожалѣнію нѣтъ протоколовъ этого съѣзда.

По словамъ доклада министра Муравьева, съѣздъ „призналъ желательнымъ, чтобы возможно большее число участниковъ студенческихъ группъ переходили въ ряды рабочей партіи“. Въ 1896 г., какъ мы уже видѣли, опредѣленно начинаетъ проявляться оппозиціонная дѣятельность союзнаго совѣта. И чѣмъ дальше, тѣмъ оппо-

зиція шла crescendo. Такъ кореннымъ образомъ измѣнялся характеръ дѣятельности студенческихъ организацій, что̀ съ особою очевидностью стало проявляться въ тѣхъ требованіяхъ, которыя выставлялись въ позднѣйшее время студенческими сходками. Эти требованія и резолюціи сходокъ носили уже ярко выраженную политическую окраску. Лучшимъ показателемъ новаго направленія въ студенческой организованной средѣ будетъ небольшое сопоставленіе.

Въ началѣ 1894 года, какъ мы знаемъ, произошелъ инцидентъ между проф. Янжуломъ и его слушателями по поводу нежеланія проф. Янжула отказаться отъ чтенія лекціи 19-го февраля. Недоразумѣніе это было выяснено и улажено благодаря содѣйствію союзнаго совѣта. Однако студенты, замѣченные въ агитаціи, были присуждены правленіемъ университета къ наказанію въ видѣ трехдневнаго карцера. Такое наказаніе вызвало броженіе въ извѣстной части студенчества; проектировалась сходка для того, чтобы добиться совершенной отмѣны наказанія. Сходка не состоялась благодаря усиліямъ союзнаго совѣта, воспротивившагося ея организаціи, полагая, что она повлечетъ новые безпорядки и такимъ путемъ лишь осложнитъ дѣло. Для того, чтобы всѣ желающіе могли открыто высказать свою солидарность съ манифестантами и агитировавшими, рѣшено было собирать подписи и представить ректору, если въ теченіе трехъ дней ихъ наберется не менѣе 500. Курсовые старосты согласились дѣйствовать солидарно съ рѣшеніемъ союзнаго совѣта. И сходка, несмотря на старанія „группы радикаловъ“, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ не состоялась. „Впрочемъ, радикалы,—замѣчаетъ по этому поводу союзный совѣтъ въ своемъ годовомъ отчетѣ,—не сразу уступили поле сраженія. Черезъ нѣсколько дней появилось воззваніе „группы радикаловъ“, въ которомъ карамзинскимъ слогомъ, со множествомъ восклицаній, студенты призывались устроить безпорядки, „укрѣпить почву, чтобы по-

томъ поднять красное знамя борьбы", и т. д. Въ отвѣтъ на это „пламенное воззваніе" союзный совѣтъ выпустилъ письмо къ землячествамъ, въ которомъ выяснялъ свою роль въ происшествіяхъ, связанныхъ съ 19-мъ февраля. Дѣйствія союзнаго совѣта были одобрены землячествами. Только тульское землячество выразило порицаніе за прекращеніе сбора подписей. „Порицаніе это едва ли заслужено", — замѣчаетъ союзный совѣтъ. „Дѣло въ томъ, что сборъ подписей встрѣтилъ очень мало сочувствія", и въ теченіе недѣли удалось собрать не болѣе 200; раздавались даже по поводу его обвиненія чуть не въ предательствѣ; вполнѣ понятно поэтому, что союзный совѣтъ подписку прекратилъ".

Такъ лойяльно дѣйствовалъ союзный совѣтъ. Но не въ этомъ дѣло. Какъ характеренъ тонъ, въ которомъ говоритъ въ своемъ письмѣ союзный совѣтъ о „радикалахъ"! Сколько иронiи въ его словахъ! И что же? Прошло нѣсколько лѣтъ, и радикалы становятся во главѣ организованнаго студенчества. Въ зависимости отъ этого измѣняются, конечно, характеръ и самое направленіе студенческихъ организацій. Переломомъ можно считать безпорядки 1889 г. и связанную съ ними попытку собрать Всероссійскій съѣздъ *представителей* въ Москвѣ *высшихъ учебныхъ заведеній* имперіи. Въ этотъ періодъ уже опредѣленно намѣтились два преобладающихъ, глубоко различныхъ по тактикѣ теченія въ студенческой средѣ: „радикалы" и „независимые", „политики" и „академисты". Разслоеніе это коснулось и отдѣльныхъ землячествъ и тѣмъ самымъ лишило организованное студенчество прежней сплоченности и солидарности. Единства уже не было. Союзный совѣтъ вскорѣ прекратилъ свое существованіе; его мѣсто занялъ „исполнительный комитетъ", попрежнему выбираемый землячествами и являвшійся такимъ образомъ органомъ объединенныхъ землячествъ, но съ другимъ господствовавшимъ направленіемъ.

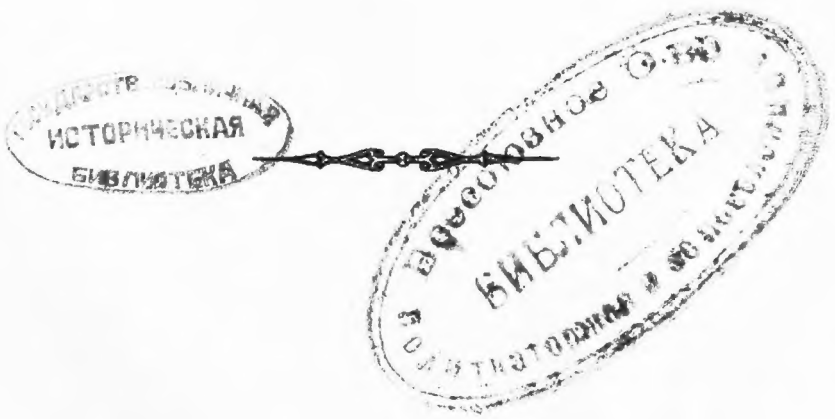
И при новомъ направленіи неизбѣжно должно было

итти дальше разложеніе старыхъ студенческихъ организацій. Разъ только землячества и имъ аналогичныя студенческія корпораціи выходили изъ круга своей дѣятельности, направленной на организацію матеріальной и духовной взаимопомощи, и дѣлались органами всего студенчества, они могли существовать, лишь осуществляя въ жизни принципъ безпартійности. При новомъ характерѣ университетской жизни, когда на первый планъ были выдвинуты политическіе интересы,эту безпартійность сохранить было, конечно, невозможно, особенно при начавшейся уже тогда въ обществѣ партійной диференціаціи.

Характеръ университетской жизни существенно измѣнился. Прежнія студенческія учрежденія не могли уже удовлетворить студенческую массу. На мѣсто этихъ нелегальныхъ учрежденій, преслѣдующихъ цѣли взаимопомощи и самообразованія, появились новыя, разрѣшенныя уже университетскимъ начальствомъ на основаніи временныхъ правилъ, явившихся результатомъ работъ комиссіи ген.-адъютанта Ванновскаго. Въ новые общества и кружки преимущественно устремилась неорганизованная часть студенчества.

Эти перемѣны придали особый колоритъ университетской жизни, измѣнились и взаимныя отношенія между различными сдуденческими группами.

Начался новый періодъ въ исторіи русскихъ университетовъ и въ жизни ихъ питомцевъ.



50 kron